

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

Умная пуля

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Умная пуля

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Умная пуля / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Прокатывается волна убийств и загадочных исчезновений ученых, имеющих международное признание. Александр Борисович Турецкий вместе со своими помощниками выясняет, что эти преступления – звенья одной цепи и связаны с изобретением нового поколения оружия. Умная пуля сама находит цель. Шансов у приговоренного нет. Как найти стрелка и самому не стать его мишенью? Только принимая нестандартные решения в непредвиденных обстоятельствах.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	30
Часть вторая	41
Глава 1	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фридрих Незнанский

Умная пуля

Часть первая

Глава 1

Мышка и «наружка»

Если к окну не прикасаться несколько лет, а затем хорошенько вымыть, то это, оказывается, может сильно испортить настроение. Едва пропускавшее свет стекло неуловимо гармонировало с обшарпанными стенами, серым потолком, протертым до дыр линолеумом, темно-коричневым подобием мебели и сторбленной фигурой профессора, поросшего мхами и лишайниками. И было большой ошибкой стирать грань между мирами. Теперь через окно в полуподвальный кабинет врывались зеленые деревья, весело бегающие дети, яркие пятна майского солнца, мелькали влюбленные парочки.

Маша, постукивая двумя пальчиками по заедавшей древней клавиатуре, пребывала в состоянии недоумения: что она делает здесь и сейчас? Она бросала тоскливые взгляды на улицу. Там кипела жизнь. Там был другой мир, в котором все счастливы. Даже лежащий третий день у стены напротив хиппи. Она уже начала к нему привыкать. Чем он жил, непонятно. Не ел, не пил, не отлучался по нужде. Только курил.

На столе перед девушкой лежала кипа исписанных от руки листов. Ей приходилось прилагать невероятные усилия для превращения их в читабельные. Вчерашний тусняк закончился в четыре утра. Поэтому корявый почерк профессора действовал как сильнейшее снотворное. Даже пришла идея украсть пару страничек монографии для мужа. Тот постоянно пребывал в двух состояниях: либо беспробудно спал, либо страдал от приступов бессонницы.

Материальное положение совсем не обязывало ее трудиться. Супруг, довольно раскрученный архитектор, без заказов не сидел и мог обеспечивать вполне безбедное существование. Но Маша, справедливо считая, что обременять себя детьми в двадцать лет рановато, начала дома откровенно скучать. А тут подружка, часто и прикольно рассказывавшая о своей работе с чокнутым профессором, ушла в декрет. Она и предложила поработать. Несколько дней Маше вполне хватило для вывода: она просто бесилась с жиру. Каждодневное убийство времени в компании выжившего из ума исследователя становилось невыносимым. Все мысли профессора были поглощены штаммами бактерий и вирусов. Он даже улыбался, только прильнув к окулярам микроскопа. Оставалось придумать достойный повод для подачи заявления об уходе. Но потом. Сейчас не думалось совершенно ни о чем.

Тишину нарушил посторонний шорох. Затем громкий хруст.

– Крыса! – вскрикнула Маша, поджимая коленки к подбородку.

Профессор Волобуев оторвал близорукие глаза от бумаг и прислушался. Со скрипом поднялся. Причем понять, что скрипит: стул или ученый – было невозможно. Отодвинул мусорное ведро. Возле плинтуса сидела белая мышка. Профессор со вздохом присел. Надев очки, принялся внимательно рассматривать гостя. Затем взял животное за хвостик и аккуратно положил на стол. Он любил грызунов. Может, потому, что привык иметь дело с ними чаще, чем с людьми. Для них у него всегда было с собой угощение. Вот и сейчас полез в карман и насыпал горстку семечек. Мышка, сев перед неожиданно возникшей горой счастья, принялась передними лапками брать семечки и грызть.

– Ой, какая прелесть. Она ручная? – радостно воскликнула девушка, подбегая к зверьку.

– Видишь, спинка беленькая. Ты ее можешь взять, покормить, погладить. Но если полоска желтая или коричневая, то это от йода. Значит, мышке привили какую-нибудь заразу. Лучше такой сторониться.

Маша резко отдернула руку, потянувшуюся было к зверьку. В этот момент решение расстаться с карьерой и посвятить себя семье созрело окончательно. Ей даже захотелось ребенка или двух.

– В нашем институте других мышей, кроме белых, и не водится, – продолжал профессор, – вивария своего нет. Он в филиале, на «Калужской». Зрелище, скажу, грандиозное! Это надо видеть. А к нам завозят. Естественно, во время опытов мышки сбегают.

Маша, резко потеряв интерес к грызуну, развернулась. Ее взгляд вновь оказался прикован к окну. Оно словно гипнотизировало. Девушка тоскливо посмотрела на улицу и произнесла:

– Семен Наумович, какая красота за окном. Вам действительно никогда не хотелось послать эти вирусы куда подальше? Поехать путешествовать, открывать для себя новые страны? Это же невозможно, из года в год вылавливать нужного микроба ЕО 764. Он, кстати, чем-то отличается от ЕО 765?

– Вот посмотри. – Волобуев жестом подозвал Машу к микроскопу. Наклонился к сейфу, открыл его. Достав предметное стеклышко, посмотрел на свет. – Штамм бактерии СН 300.

Маша, обрадовавшись возможности немного отвлечься, подошла и заглянула, представив на миг, что профессор – сексуальный маньяк. Сейчас воспользуется случаем и набросится сзади! Но он, если и был одержим, то только своими бациллами.

– Видишь палочки? – нежно прошепелявил Семен Наумович.

– Да. Все одинаковые, – ответила Маша.

– Это на первый взгляд так кажется. А вот представь, прилетела ты, допустим, с Марса. И где-нибудь на высокой орбите разглядываешь людей в телескоп. Все одинаковые, бегают, суетятся. Снижаешься. Ба, да тут попадаются черненькие, и беленькие, и желтенькие. Да и среди них тоже отличия: одни низкорослые, другие голубоглазые, третьи горбоносые. А перед тобой стоит задача: найти Шварценеггера и похитить для улучшения своего марсианского генофонда. Как это сделать? Очень просто. Устраиваешь им небольшой катаклизм: наводнение, землетрясение, химическую атаку, ядерную войну, голодовку, Варфоломеевскую ночь или Бухенвальд. Выживший и будет тем Ноем, от которого пойдет новый род. А мы обзовем его СН 300. Просто потому, что среди пятисот пробирок повезло трехсотой.

– Увлекательно. А насколько выгодно быть микробом? – задала она провокационный вопрос.

Семен Наумович замолк. Да, сейчас только этот вопрос интересует симпатичных бездельшек. А ведь когда-то была совсем другая – нищая, голодная, но интересная жизнь. Радоваться могли не только деньгам, хотя и им, конечно. Он познал счастье первых открытий, публикаций, защиты диссертации, получения степени. Научная жизнь бурлила интригами, спорами школ, попытками протектората антинаучных идей.

А в современном мире хапуг и стяжателей все ценности свелись к доллару. Большинство талантливых ученых подалось в торгаши. Институт медицинских и биологических препаратов имени Марасевича на Сивцевом Вражке сильно потерял свой вес в мировой табели о рангах. Финансирование урезали, работы свернули. Уже предпринимались попытки банкротства. Не последнее место играло его элитное месторасположение. Слишком лакомым казался кусок. Но пока держался.

Волобуев не любил вспоминать, но не мог забыть один неприглядный поступок. Как-то, изучив несколько величайших открытий в области микробиологии, юный младший научный

сотрудник пришел к ошеломляющему выводу. Все открытия сделаны случайно. Просто вдруг некий ученый решил посмотреть в микроскоп на какую-нибудь дрянь.

Волобуев понял, что все рассмотреть невозможно. Микроскопов не хватит. Значит, простор для исследований открывается необъятный. И он, несмотря на насмешки коллег, принялся изучать все, что попадалось под руку.

Однажды он узнал, что поступившее по разнорядке чудо немецкой оптики, темнопольный микроскоп «Лабовал», решено отдать лаборатории, возглавляемой его приятелем Ароном Гуком. Волобуеву этот микроскоп нужен был как воздух, как вода, как возможность мыслить. Он снился ночами в цветных снах. Волобуев им бредил наяву. Он был готов просиживать над окулярами день и ночь. Ему жизненно необходимо было проверить практикой сотни гипотез.

Волобуев находился в состоянии, близком к помешательству, когда вдруг обнаружил на лестничной клетке, где разрешалось курить, партбилет Арона. Поначалу он обрадовался случаю оказать услугу и получить за нее доступ к микроскопу. А вдруг Гук окажется просто неблагодарной скотиной? Для очистки совести он пообщался с Ароном на предмет пользования прибором в нерабочее время. Однако тот только посмеялся над страстью исследователя. У Волобуева не осталось иного выхода, как унести домой документ и дрожащими руками развести в туалете огонь.

Пропажа обнаружилась при очередной оплате партвзносов. Билет дается один раз в жизни. И если не сумел его сберечь, то в партии делать нечего. Гука исключили, и, как показала жизнь, правильно. Он покатился по диссидентской дорожке и вскоре эмигрировал. А микроскоп достался Волобуеву. Обладание им открывало новые, недоступные коллегам возможности. Исследователь попытался найти компромисс со своей совестью, основываясь на следующем постулате: «В основе всех великих дел лежит предательство».

Как-то, рассматривая каплю крови, которая ранее считалась стерильной, он сделал неожиданное открытие. Оказалось что в плазме обитают микроорганизмы. Множество бактерий сновали в межклеточном пространстве между цепочками эритроцитов, лейкоцитами и тромбоцитами.

Потом выяснилось, что это открытие было открытием для него лично. А на Западе уже были публикации. С жадностью первопроходца он набросился на флору, живущую в плазме. Синтезировав однажды супербактерию, упорно трудился. Денег на исследования катастрофически не хватало. На питательные среды ему приходилось выкраивать из сэкономленных денег, а то и покупать на кровные. И вот результат: выращен устойчивый штамм. Обладает свойствами сансбилизатора, т. е. скапливаться в районе новообразований, а если их нет – щитовидки. При облучении электромагнитными волнами сам начинает генерировать сигналы. Такого еще не достигал никто. Открывались широкие возможности использования в медицине. Теперь можно проводить диагностику без использования рентгена с точностью радиоизотопной, но без облучения. Один шаг до лечения тяжелейших недугов. Желющие получить готовенькое отыщутся. Можно будет поторговаться.

Но Волобуев несколько опростоволосился, думая, что никому нет дела до его исследований. Не прошло и трех дней, как подтвердилась положительная реакция, а уже дважды выходили на контакт купцы. Но профессор, набивая цену, довольно резко всех отшивал. Наконец вчера появился покупатель. Его привезли в огромном джипе в сопровождении охраны с золотыми цепями на мощных шеях. Бизнесмен предложил за результаты сумасшедшие деньги – сорок тысяч долларов. И дал два дня подумать.

У профессора, не спавшего всю ночь, кружилась голова. Его не терзали сомнения: соглашаться или нет? Проблема была в другом: на что потратить деньги. Конечно, хороший санаторий, не слишком утомительное путешествие, люминесцентный микроскоп. Но что еще, что стоит денег? Чего он хотел и не мог позволить? И вдруг его взгляд скользнул по стройным ногам Маши. Неожиданно озарило. Волобуев, оказывается, всегда любил женщин и машины.

Ведь именно ради этого в расцвете сил двадцать лет назад ринулся он в погоню за научным открытием.

Семен Наумович покрылся потом, осознав, что это, или подобное, молоденькое создание из категории немыслимого перешло в разряд доступного.

Одновременно не имевший водительских прав Волобуев пришел к выводу, что автомобиль с личным шофером – не роскошь, а жизненная необходимость. Он поднял глаза и задумчиво спросил:

– Машенька, а сколько сейчас стоит девушка?

– Что? – изумилась помощница.

– Я хотел узнать, почем нынче машина? – повторил, краснея, Волобуев.

– Извините, слышалось. Смотря какая: импортная? Отечественная? – уточнила Маша.

– Ну не знаю, – растерялся профессор, нервно потирая кончики пальцев, – скажем, из наших, но что-нибудь посовременнее.

– Можете не париться. Они выпускаются уже устаревшими. Вообще, штук за шесть баксов можно подобрать, – ответила Маша.

– Да? – удивленно протянул ученый.

– Вы собираетесь покупать автомобиль?

– Надоело, понимаешь, в метро, – ответил профессор, словно речь шла о проездном билете.

Опять повисла неловкая тишина. Лишь только мышь шуршала в бумагах. Однако лицо профессора приняло такое выражение, что Маша легко представила, что эти звуки издают тяжело ворочающиеся мысли ученого. Наконец Волобуев произнес:

– А сколько стоит на такси доехать до Ясенева?

– Ну, рублей сто пятьдесят.

Он ненадолго погрузился в вычисления. Оказалось, поездка на работу и обратно станет в десять долларов. За шесть тысяч он сможет два года ездить на работу, как человек, на такси. И не надо платить наемному шоферу, беспокоиться о возможных авариях, тратиться на бензин, ремонт, да еще экономия за метро и автобус.

Маша вдруг увидела еще одну мышку, которая быстро забралась в портфель профессора. Она открыла рот, однако ничего сказать не успела. Одновременно с коротким стуком дверь распахнулась. Бесцеремонно ввалился неизвестный субъект в белоснежном костюме и зеркальных очках. Встал посреди дверного проема и замер в театральной позе, скрестив ноги и облокотившись на косяк. Незнакомец распространял заграничный аромат, от которого у Маши затрепетали ноздри. На нашего сколько ни вылей «Франции», такого запаха не добьешься. Для этого надо там жить.

Пришедший медленно снял очки и, освоившись в полумраке помещения, интерес к профессору потерял. Выглядел он лет на сорок. Слегка загорелое вытянутое лицо с крупными белоснежными зубами не имело ни одной морщины.

Пауза слишком затягивалась. Однако незнакомец ее первым нарушать явно не собирался. Тогда профессор не нашел лучшего, чем произнести глупую старорежимную фразу:

– Чем, собственно, могу служить, сударь?

– Да, за последние пару десятков лет народилось совершенно удивительное поколение. В наши годы таких не было. Правда, Козимир?

Козимиром Волобуева прозвали, когда из отпуска после защиты кандидатской он вернулся с козлиной бородкой. Отрастить же ее поклялся, как Герцен и Огарев на Ленинских горах перед поступлением в университет. Это сейчас смешно, а тогда ее носили все ученые. Посмотрим лет через сорок, что будут говорить про старушек со сморщенными татуировками!

– Чингачгук? – полуспросил, полуответил Волобуев.

Так они окрестили Арона Семеновича Гука, когда стало известно, что тот собирается в Лос-Анджелес, упорно называя его не иначе как своей исторической родиной. Арон осмотрелся и произнес:

– У тебя что, нет отдельного кабинета? Это весь твой офис? – удивленно догадался Арон. – Хочется поговорить, побередить раны. К чему мучить хорошенькую девочку воспоминаниями двух выживших из ума старых козлов?

«Ну относительно двух он явно перегнул», – подумала девушка.

– Машенька, на сегодня объявляется сокращенный рабочий день, – торжественно объявил начальник.

Маше, конечно, было страшно интересно послушать воспоминания. Но здесь ей не рады, а дома ждет возможность рухнуть в свежайшие простыни а-ля Матисс. А вечером – стадо молодых козликов. Она шустро собрала сумочку и попрощалась. Иностранец подарил ей зажигалку «зиппо», авторучку «паркер» и свою визитку, произнеся:

– Будете в Штатах, звоните. Организую незабываемую программу, причем совершенно бесплатно.

Девушка выскочила за ворота. Знакомый хиппи оживленно вел разговор по сотовому телефону. Она еще раз бросила взгляд на окно. В полумраке белый костюм, жестикулируя, что-то показывал. На стекло снаружи уже успели прилепить комок жевательной резинки. И стоило целый день тратить на приведение его в божеский вид!

Хиппи мотнул головой, словно получил команду. Поднявшись, подошел к серебристому «лексусу». Возле него случайно уронил пачку сигарет. Наклонился, лениво подобрал. Медленно отошел. Снизу на бампере появился незаметный нарост.

Но этого Маша уже не видела. Она заворачивала за угол в арку...

– Ну как дела? Чем занимаешься? – спросил профессор.

– От науки далек. Впрочем, как ты помнишь, близко к ней я никогда и не подбирался, но деньги неплохие. Работаю на ЦРУ.

– Как всегда шутишь? Ну да, все наши там – агенты КГБ. А здесь – ЦРУ.

– Отнюдь. Вполне серьезно. Просто зачем скрывать от старого друга? Ты же не побежишь закладывать? – задал провокационный вопрос Гук, глядя прямо в прозрачные глаза, словно догадываясь о давней вине перед ним Волобуева.

– Да я и не знаю куда.

– А если бы знал? – продолжал допытываться американец, словно для него было важным, действительно ли существует жизнь по моральным принципам, отличным от тех, по которым он жил последние десятилетия. А может, это лишь юношеские заблуждения?

– Конечно нет.

– Вот видишь, в этом и вся разница. Хочешь, расскажу один случай? Приехал я с женой в гости к хорошему другу. Знаю его сто лет. Мужик просто душа-человек. Надо денег, всегда одолжит, и без нотариального оформления, просто под рукописную расписку и под мизерные проценты. А это в Америке, поверь мне, явление неординарное. Так вот, приняли нас как положено. Стол просто супер. Ну я выпил пару рюмашек. Он говорит: «Может, хватит? Тебе же в дорогу». А что для русского двести – триста граммов? «Да, ладно, – говорю. – Не суетись, Билл. Прорвемся. И не в таком состоянии выезжали».

А расстояние ну километров шесть, не больше. Ехать минут пятнадцать. Короче, попрощались. Сердечно расцеловались. Ушли в состоянии эйфории. Не успели сесть в автомобиль, как Билл бросился звонить в полицию. И на подъезде к дому меня поджидала засада. Забрали права, присудили дикий штраф. Я порвал с ним всяческие отношения. Билл позвонил и поинтересовался: почему я пропал и не желаю ли чего? Я объяснил, что горю единственным желанием: набить ему морду. Он очень удивился моей реакции. Оказывается, таким образом

он беспокоился за дорожную обстановку в целом по стране и за меня, в частности. Короче, он ничего не понял. А я никак не могу привыкнуть к тому, что люди делают друг другу подлости, но при этом продолжают улыбаться, даже не подозревая, как низко пали.

– Чем же все закончилось? – заинтересованно спросил профессор.

– Естественно, анекдотом. Он подал иск в суд на угрозу насилия. Я нанял неплохого адвоката, доказавшего, что игра слов не может считаться насилием. Однако его адвокат сумел все же доказать, что у меня не было повода рвать отношения. И меня приговорили к насильственным посещениям дома Билла. Он всегда искренне мне рад и готовит прекрасный ужин. Я махнул рукой и дважды в месяц отбываю двухчасовое наказание, пытаясь получить при этом удовольствие.

– Тебя послушать, так бежать из этого рая хочется.

– Бежать хочется. Но не может. Платят хорошо. Могу позволить все, что захочу. Жаль только, с годами эти желания убавляются.

– А я все там же. Копаюсь в своем микромире, – рассеянно произнес ученый.

– Ну не скромничай. У нас все научные журналы выходят в переводе с опозданием в две недели. Твое имя в определенных кругах вызывает интерес.

– Имя? «Что в имени тебе моем?» Это у вас имя немедленно превращается в деньги, – произнес профессор.

– Давай поразмыслим как разумные существа. Почему я здесь, а не на Гавайях? Может, соскучился по старому другу? Нет. Или приступ ностальгии? Вряд ли. Просто впал в маразм? Опять неверно. Правильный ответ звучит так: калифорнийскому университету срочно понадобился твой последний штатм. – Арон пристально посмотрел на профессора. – Не делай удивленное лицо. Тебе не идет. Ты же не молоденькая девушка так раскрывать глаза? Вообще, когда мужчина удивляется, в любом возрасте это выглядит глупо.

– Мне кажется, ты уклоняешься в сторону.

– Ах да. О деньгах. Ты думаешь, зря я рассказывал о пользе сдерживания эмоций? Я тебя готовил. Они предлагают купить материалы за сорок тысяч плюс американское гражданство, особняк на берегу океана, номинация на Нобелевскую, лаборатория со всем необходимым оборудованием и персоналом, оклад в двести тысяч в год, естественно, американских долларов. Такое выпадает один раз в жизни и называется счастливым билетом.

Волобуев в оцепенении откинулся на спинку стула. Удовлетворенный произведенным эффектом, посетитель добавил:

– Вот какой толковый ученик попался. Обошлось без обмороков, рыданий, лобызаний туфель, истерических бросаний на грудь. Не люблю костюм сдавать в химчистку.

Профессор покинул институт. На окружавшее пространство он смотрел уже совершенно по-другому. Он никогда еще так не шел по Арбату. Прохожие сторонились, словно чувствовали его превосходство.

Спустился в метро. Волобуева вдруг стали раздражать вечные обитатели подземки. Профессор не мог отделаться от ощущения, что одни и те же люди постоянно ездят в одних и тех же вагонах. Он встал, по привычке зажав ногами, чтобы не украли, старенький потрепанный портфель.

Напротив сидели пятнадцатилетние подростки и нагло смотрели в лицо пожилому человеку. Они даже не догадывались, что можно предложить ему сесть. Волобуев вдруг ясно понял, что здесь он едет в последний раз.

Добрался до дома. У подъезда, сидя на спинке лавочки, скучали юные подонки. Профессор кипел. Однажды он испачкал выходные летние брюки, сев на эту скамейку. Ничего святого. Но он достаточно здраво мыслил, чтобы не конфликтовать с бандой.

Вошел в загаженный подъезд. Перешагнул мерзко пахнущую лужу перед ступеньками. Что характерно, эта гадость регулярно обновляется. Клаустрофобия у кого-то перед лифтом начинается? Попалась бы хоть раз эта тварь с поличным. Утопил бы на месте. Профессор любил на досуге покидать пудовую гирьку, поэтому сомнений в своей силе не испытывал. Ну кто из этих малолетних доходяг с гнилыми легкими попробует посостязаться с шестидесятилетним?

Вошел в лифт. Брезгливо оглядев, вынул серый платочек для протирки очков. Намотал на палец и нажал на кнопку «17». Подумал: «Куда мы тянемся за Западом? Только поменяли лифт, уже хуже туалета. Нет, надо срочно собирать чемоданы. Вот раньше и страна работала, и достижения были мировые, и в подъездах чистота, порядок. Упустили где-то новое поколение. Сталина на них не хватает».

Когда двери начали смыкаться, быстро втиснулся лопухий пацан. Профессор смотрел мимо него. Подросток спокойно вытащил сигарету. Зажег и закурил. Волобуев отлично помнил те времена, когда был мальчишкой в сером форменном костюме с латунной бляшкой и алым галстуком. Встречая на улице старшего, обязательно снимал фуражку и, здороваясь, наклонял бритую голову. Помнил, как отец, застав сестру с папиросой, бил по губам.

– Затуши! – произнес Волобуев тоном, не терпящим возражений. Хотя обычно он вежливо об этом просил, ссылаясь на астму.

– Пошел на ..., козел старый, – произнес пацан, нагло выпуская дым в лицо пожилому человеку.

Такого оскорбления профессор вынести не мог. Мощной жилистой рукой он вырвал изо рта сигарету. Бросил на пол и растоптал. Затем схватил пацана за ухо и слегка повернул, тот заорал как бешеный. Но вместо извинений послышались оскорбления и угрозы. Волобуев понял, что этого гаденыша надо учить. Он должен помнить, что всегда может найтись сила, способная дать отпор.

Профессор не мог видеть, как пацан, корчась от боли, полез за пазуху и вытащил пистолет Макарова с кустарным глушителем. Попытался нажать на спуск. Преодолеть пружину курка не хватило сил. Тогда он передернул затвор и надавил. Раздался выстрел.

Волобуев почувствовал тупой удар в левую ногу. Он не успел осознать происходящего и вложил все силы в поворот уха. Послышалось еще несколько хлопков.

Профессор удивленно опустился на колени и, получив две пули в грудь, дернулся и упал. Лифт еще поднимался. Малорослый убийца с окровавленным ухом подобрал потрепанный портфель и, выхватив бумаги, засунул их под толстовку в штаны. Перевернул, потряс. Из него высыпалось много разного хлама. Неожиданно выпала и маленькая белая мышка. Она вскарабкалась на плечо Волобуева и стала умываться, глядя умными глазками. Пацан присел, держась за окровавленное ухо. Улыбнулся сквозь боль. Взял живую игрушку и посадил в карман.

Лифт остановился. Заклинив дверь ногой жертвы, киллер выскочил и понесся вниз по лестничным пролетам. На спинке у мышки была свежая желтая полоска...

Глава 2

Двойной кулбит

Александр Борисович Турецкий, несмотря на образ жизни, назвать который здоровым можно было с достаточной долей иронии, выглядел значительно моложе своих сорока пяти. Он легко взлетел на второй этаж аэропорта Шереметьево-2 и уверенно направился в торец левого крыла. Не доходя нескольких метров до цели, замедлил ход, неожиданно испытал странное чувство. Обозвать это страхом невозможно, хотя бы по той причине, что у людей его профессии оно патологически атрофировано. За двадцать лет службы он насмотрелся такого... Но странное дело, как разворачивает хорошее. Тот самый Турецкий, что несколько лет назад, задыхаясь, практически ослепнув от рези в глазах, с рваными ранами плыл среди крыс, использованных презервативов и фекальных отходов по канализационным лабиринтам, всего только две недели проведя в тихом городишке Гармиш-Партенкирхене, на юге инфантильной Баварии, сейчас вдруг испытал ужас, приближаясь к общественному туалету международного аэропорта. Он усмехнулся, подумав, что метод контрастов в следственной работе далеко еще не исчерпан.

Он автоматически, между прочим, сканировал окружающее пространство, задерживаясь чуть дольше на красивых девушках. Как их много в Шереметьево-2! Летят ласточки на прикормку. Но что делать? На Западе с генофондом даже не проблема – катастрофа.

«А вот и наш клиент», – подумал Турецкий, надевая зеркальные очки. Здоровенный детина с фигурой бритого белого медведя остервенело терзал «однорукого бандита», поставив себе целью если не внезапное обогащение, то уж овладение рукояткой наверняка. Похоже, это были его не первые попытки получить все и сразу. Полосатая, под тельник, майка «гуляла», обнажая дракона с тремя головами. Причем головы существенно различались по авторскому стилю и яркости изображения. Особенно поражала одна, словно нарисованная неумелой рукой пятилетнего ребенка.

Раньше было проще. Все тупо кололи купола. А теперь что в голову взбретет. И что с такими делать? Чудовищный результат акселерации, радиации и пьяного зачатия. Молодые, лет по восемнадцать – двадцать, а уже по несколько ходок.

Турецкий улыбнулся, вспомнив вечно изумленное потное лицо огромного шумного старины Питера Реддвее. Проголодавшийся руководитель Антитеррористического центра тогда затащил его в «Макдоналдс». Вообще, его желудку было не важно, где питаться. Однако, испытывая время от времени приступы патриотизма, американец шел тратить евро в закусочные, контролируемые соотечественниками.

Войдя, он радостно увидел диванчик на троих посетителей и занял собой практически весь. Затем громко по-английски подозвал гарсона. В закусочной их, естественно, не держали.

– Алекс, вот ты все критикуешь нашу законодательную систему, – произнес он безо всякого повода, за-глатывая биг-мак целиком.

– Какую систему? Когда американцы научатся называть вещи своими именами? Власть доллара – вот и вся ваша законодательная система. У вас на одной чаше весов Фемиды преступление, а на другой – стоимость залога и гонорар адвоката. Решетка – удел нищих и жадных.

– И это очень правильно. Совершать преступления – слишком дорогое удовольствие. А законы экономики гласят: «Убыточный бизнес обречен на вымирание». Вчера ты показывал ориентировку на Зубова Ивана Ивановича, тридцать лет, пять судимостей, убийства, грабежи, изнасилования. С какого возраста в России наступает уголовная ответственность?

– Вообще с шестнадцати, но по целой куче статей, со сто пятой – убийство по сто шестьдесят первую – грабеж, с четырнадцати.

– А этот ваш Зубов? – вставил Реддвей между проглатыванием пятого и шестого сандвичей.

– В пятнадцать взяли за убийство матери своей подруги.

– Бедная девушка, – констатировал Питер, разворачивая восьмой бутерброд.

– Она мамашу и заказала. За шубку ценой около двухсот долларов, – уточнил Турецкий, заранее зная, что преступлений, способных вызвать истинное негодование, сопереживание, желание отдать свою кровь и последние деньги, для собеседника просто не существует.

– Тебе не кажется, что если бы он получил пожизненное за первое преступление, не имея, конечно, на счету десяти лишних миллионов долларов США, то остальные уже не совершил бы? Я начинаю понимать, почему у вас такой высокий уровень преступности.

– Что делать. Издержки, извини, демократии, – произнес Александр Борисович, пытаясь переложить часть ответственности за творившийся в стране бардак на представителей державы, в большей мере ответственной за это.

К детинушке подвалила девка. Боже мой! Лет пятнадцать, а уже с профессией. Уселась на колено и обняла. Начала что-то нашептывать.

«Да, Нинке послезавтра тринадцать. Сколько у меня в запасе? Два года, год? Потом приведет вот такого», – невольно обожгла мысль.

Из туалета вышел, заправляя рубаху в тренировочные штаны китайского производства, почти близнец игрока. Подошел к автомату. Схватил девку за шкурку и словно котенка отшвырнул метра на три. Она выдала не блещущий разнообразием набор ругательств и, прихрамывая, исчезла.

Турецкий выдохнул. Уверенно направился к двери, несколько огибая по дуге братков. Этим он убивал двух зайцев: удлинял время и не менял расстояние до источника звуков. В этом случае слух способен воспринимать информацию даже на очень далеких расстояниях.

– Как верзушник¹ – спросил татуированный игрок.

– Контора пишет, – ответил в тон ему вышедший из туалета.

– На том же месте?

– В четвертой. Берем на ханок²

– На характер³ – прозвучал ответ.

Турецкий вошел. Огляделся. Две кабины из семи были заняты. Он зашел в ближнюю к выходу. Решил пока постоять. Грязь, вонь, ползающие микроорганизмы. В дальней кабине раздавались утробные звуки. Кого-то сильно рвало. Неожиданно раздался участливый голос:

– Что, мужик, хреново?

– Ой хреново... у-эээ... бу-эээ...

– Перепил? – опять уточнил голос неизвестного.

– Вообще-то пью я много, но... бвэээ...

– Не пьянею никогда, – зачем-то машинально добавил Турецкий, вспомнив любимую поговорку стажера Володьки Поремского. Он тогда был на пару лет старше своих однокурсников и с ходу попытался взять темп Грязнова и Турецкого со товарищи. Результат был плачевен.

Дверь раскрылась. Вошли «гриндеры». «Сапоги-убийцы», окрестил он их, едва эта обувь появилась у его нежного создания – дочки Нины. Всегда ценивший удобство и практичность, следовательно Турецкий полжизни пробегал в простых кедах. Теперь же оказался безнадежно отставшим только потому, что не мог понять радости добровольного заключения тонюсеньких ножек в полуторакилограммовые колодки.

¹ Человек, страдающий расстройством желудка (жарг.).

² Вырвать что-либо из рук (жарг.).

³ Запугать (жарг.).

Сапоги остановились у двери. Кроссовки подошли к кабинке участливого мужика. Послышался резкий звон упавшего шпингалета.

– Ну что, козел? Мы тебя предупреждали?

– Ребята, не надо, – попытался попросить о чем-то мужчина, однако уверенности в голосе не присутствовало.

Послышалась легкая возня. Затем чавкающий звук удара по челюсти. Непривычный мужской плач. Надо было начинать действовать. Неожиданно раздался другой голос:

– Мужик, ты не прав. Надо вернуть.

Турецкий в помощнике не нуждался. Но раз так получилось... Он резко распахнул дверцу и рассчитанным движением, схватив правой за ремень, а левой за майку, забросил стокилограммовую тушу в промежуток между стеной и унитазом. Выбор был не случаен. Кроме того, что попасть туда было гораздо легче, чем вы-браться, это был еще и самый загаженный угол туалета.

Краем глаза успел отметить, что второй брателло совершает также акробатический кульбит, поэтому он не спеша сделал свое дело. Спустил воду. А уж затем спокойно вышел и растянул рот в улыбке. В дальнем углу между стенкой и унитазом брюхом кверху, задрав ноги вверх по стеночке, лежал второй бритоголовый, а напротив стоял, светясь синими глазами, отливая соломенными волосами, Владимир Поремский. В руках он держал, судя по диагонали штуки на три, ноутбук «Ровер».

– Александр Борисович! – воскликнул он, бросаясь навстречу.

– Володька! Ты какими судьбами? – направляясь к парню, воскликнул Турецкий.

Проскакивая мимо кабинки с жертвой преступления, Поремский сунул в его дрожащие руки компьютер.

– Возвращаюсь из очередного отпуска, – произнес он, стиснув Турецкого.

– Так, Володя, временем располагаешь?

– Сегодня прилетел. Завтра вечером поезд, – зачем-то посмотрел на часы Владимир.

– Отлично, поступаешь в мое распоряжение. Ты как себя чувствуешь? – спросил Турецкий.

– Готов к новым подвигам! Я ведь вашу стажировочку на всю жизнь запомнил, – ответил Поремский. Затем его взгляд скользнул по полу. – Что с этими?

– Проверь. Если стволов нет, хрен с ними. Пусть живут.

Володя сунул руку, попытался и вскоре выудил кобуру с торчащей рукояткой «макарова». Турецкий чувствовал, как ему на сердце капает бальзам, когда смотрел на работу. Ни одной ошибки. Все профессионально, со знанием дела. Вот и тридцатисантиметровый ножичек из ботинка второго извлек, уже завернутый в платочек. Он понял, насколько ему дорога оперативная работа. Но, как говаривал судмедэксперт Зюзькин, «получены ранения, с жизнью несовместимые». Так и его обязанности помощника генерального прокурора были с жизнью следователя несовместимы. И тут родилась крамольная мысль: «А мы совместим!»

Громилы были сданы в отделение. Очухавшийся потерпевший оказался журналистом желтой газеты «Соль жизни» Белобокимым, просто зашедшим в туалет и подвергшимся нападению. Узнав о том, что напавшим уже грозит срок за хранение оружия, предпочел от заявления отказаться. Турецкий, махнув рукой на небольшое происшествие, набросился на Поремского:

– Пошли на стоянку. Посмотрим, сможешь ли по некоторым вторичным признакам найти мой автомобиль?

– Ну, слухи о моих способностях сильно преувеличены. Вот Рюрик Елагин, да – криминалист от Бога. Он определил бы минимум по десятку признаков, что вон та черная «Волга» с мигалкой...

– Молодец! Колись.

– Версия личного автотранспорта отпадает по причине... – он немного втянул носом воздух, – «Хенесси»?

– Молодец. А я вот различаю только основные запахи, – похвалил Турецкий.

– Ну, я тоже не дегустатор. Но относительно спирт-ного... Представляете, раскручивал одно дело в институте аллергологии и прошел, пользуясь служебным положением, обследование. Знаете, что выяснилось? Мой организм совершенно не переносит никаких токсинов. Мне никогда не стать алкоголиком, наркоманом, курильщиком. Я могу принимать отраву, но после наступает синдром полнейшей очистки организма. Рвет до вывода всяческой гадости.

– А с Сашкой Курбатовым связь поддерживаешь? – задал вопрос Турецкий, вспоминая, как обучал птенцов премудростям следствия.

– Еще бы! – радостно ответил Поремский.

– Ну и как он?

– Карьерист. Уже зам прокурора области по следствию.

– Ух ты! – искренне изумился Турецкий.

– Правда, Сахалинской, – ответил Владимир. – У них население как один московский микрорайон, тысяч пятьсот. И почти все живут на южном побережье.

– Как же его, рафинированного москвича, занесло в такую глушь?

– Сам напросился. Это его программа избавления от комплексов, привитых детством. Представляете, у него была нянечка, манная кашка с ложечки, репетиторы. До тринадцати лет носил колготки под шортиками, такую конусовидную тубетейку, не мог выйти во двор без сопровождающего. Кем он был в глазах пацанов со двора? И кем в своих? Поэтому, едва вырвавшись из узд навязчивой опеки, принялся избавляться и от груза прошлого. Чтобы доказать себе, что чего-то стоит, в одиночку с ружьишком за плечами и вещмешком пробежал по тайге от Хабаровска до Благовещенска.

– Сколько же там будет? – спросил Турецкий.

– Тыща верст! – ответил Поремский, словно прикидывая по воображаемой карте.

– Безумству храбрых поем мы песню. А по времени?

– Почти за месяц.

– Я не удивлюсь, если узнаю, что он и похудел этак килограмм на двадцать? – засмеялся Александр Борисович.

– Вот как раз избыточный вес он недостатком не считает. Поэтому бороться предпочитает с преступностью, – прозвучал неожиданный ответ.

– Да, с вами не соскучишься. А преступность, значит, комплекс?

– Еще какой! Он же, как Будда, жил себе до семнадцати лет в своем мире фильмов, музыки, книг, тщательно прошедших цензуру, и вдруг был выброшен в пространство, совершенно отличное от идеального. Где правят грязные деньги, где честные, порядочные люди унижены и оскорблены. Где на каждом углу творится несправедливость. Где зло безнаказанно и нагло. А законность продажна. И он решил посвятить жизнь пусть не наведению порядка, но хотя бы частичному торжеству справедливости. Зло ведь должно быть наказано.

– А Рюрик Елагин?

– В Екатеринбурге. Тоже «важняк». И такой же мечтатель, – ответил Поремский.

– Мечтатель? – переспросил Турецкий.

– Да. Интересуется тем, чего нет и, может быть, не было никогда. По крайней мере, нам этого узнать не дано – история государства Российского есть величайшая из тайн.

– Но существуют же летописи, рукописи... – начал было возражать Турецкий.

– Александр Борисович, мы живем в информационный век. Сколько раз на ваших глазах переписывалась история, современником которой и даже где-то непосредственным творцом были вы сами?

– Лучше не спрашивай, – задумчиво произнес Турецкий. Он и сам не раз задумывался над тем, кто же все-таки и зачем искажает изложение событий.

– А теперь представьте раннее Средневековье. Неграмотный царь, сотня бояр и крестьяне, ведущие скотское существование. История – достояние кучки заинтересованных лиц. Знаете, с чем американцы столкнулись в Ираке? С недоумением. Большинство населения свято считало, что в той «Буре в пустыне» великий Саддам разбил американские войска и освободил страну. Поэтому увлечение историей сродни увлечению научной фантастикой, с той только разницей, что фантастика находит воплощение в реальной жизни гораздо чаще.

– Знаешь, – ответил умудренный опытом старший товарищ, – наше время отличается от древнего значительно меньше, чем кажется. Мы живем во власти такого количества информации, что истина в потоке заблуждений, измышлений, фантазий попросту теряется.

– Как говорил китайский мудрец Лао-цзы: «Если хочешь спрятать дерево, прячь его в лесу», – блеснул цитатой Поремский.

– А если хочешь, чтобы не услышали правду, расскажи о ней по радио, напечатай в газете, покажи по телевидению, – печально констатировал Александр Борисович.

Турецкий подъехал к зданию Генеральной прокуратуры на Большой Дмитровке. Равнодушно прошел мимо лифта на лестничную клетку. Тренированный организм требовал физических нагрузок, а времени на хождение по спортивным залам катастрофически не хватало. Вот он и использовал каждую возможность. В прошлом году, когда министр МЧС решил взлететь по лестнице на двенадцатый этаж здания мэрии, из всей многочисленной «свиты» только представитель Генеральной прокуратуры Турецкий достойно выдержал темп.

Для очистки совести убедился, что в приемной заместителя генерального прокурора посетителей не убавилось. Затем спустился на этаж. Зашел в свой кабинет и, сев на угол стола, набрал внутренний номер.

– Приемная, – сухо прозвучал знакомый голос.

– Клавдия Сергеевна, уж не вы ли это? Как я соскучился по вашему неподражаемому тембру. Только что прилетел из Германии. Вы не представляете, таких женщин там нет. Чем сегодня заняты?

– Сейчас доложу Константину Дмитриевичу, – ответила секретарша строгим голосом. – А вам перезвоню.

Клавдия Сергеевна могла бы и полюбезничать, но не в присутствии же посетителей. Она положила трубку. Взяла папку и вошла в кабинет начальника. Через минуту, не скрывая удовлетворения, вернулась. Набрала трехзначный номер.

– Турецкий, слушаю.

– Вас срочно вызывает Константин Дмитриевич, – произнесла женщина тоном, требующим немедленного выполнения приказа.

Александр Борисович вошел в приемную. Томная полная женщина немедленно преобразилась. Она вскочила со своего места и на ходу бросила:

– Одну минуту. Доложу.

Исчезла за дверями кабинета Меркулова. Турецкий незаметно опустил в висевшую на спинке стула сумочку пузырек и встал у входа в кабинет. Это были духи. Правда, не совсем обычные. Он их приобрел в одной «Лавочке приколов» во Франкфурте. Что ему особенно понравилось, магазин был разделен на две половины: слева располагались аксессуары для жестоких розыгрышей, справа – для добрых. Духи назывались: «Дживанши – облик будущего», с нечувствительной для обоняния человека добавкой экстракта мартовской кошки. В результате, когда женщина шла, благоухая горьковатой свежестью, к ней со всех сторон сбегались коты с горящими сумасшествием глазами.

Появилась секретарша. Закрывает дверь кабинета начальника и развернулась. Неожиданно они оказались очень близко. Турецкий вопросительно посмотрел ей в глаза. Женщина внезапно порозовела и, обдавая жарким дыханием, произнесла:

– Александр Борисович, пройдите. Константин Дмитриевич вас ждет.

Турецкий вошел в кабинет. Весь налет официальности мгновенно исчез.

– Здравствуй, Костя. Скоро к тебе прорваться можно будет только с небольшим отрядом ОМОНа.

– Рад тебя видеть, Саня, – ответил сидевший за столом. – Ну, пока у меня стоит на страже Клавдия, я думаю, ты найдешь способ прорваться.

– Если до этого дойдет, никакого здоровья не хватит, – засмеялся Турецкий.

– Как съездил?

– Нормально. Есть кое-что.

– Как старина Питер? Такой же? Встречал небось в аэропорту, словно ты один и прилетел, а кроме него встречающих не существует в природе?

– Американская непосредственность, – ответил Турецкий. – Иногда кажется, что у них вообще не бывает комплексов. Типа, находятся среди обезьян или как в Древнем Риме, там же не было принято стесняться рабов.

– У меня такое ощущение, что общение с ним пошло тебе на пользу. Похоже, ты прибавил немного? – оглядывая из-под очков фигуру собеседника, произнес Меркулов.

– Я? – удивился Турецкий, делая попытку втянуть живот. – Костя, ты давно не видел Реддвоя. Вот он увеличивается с нездоровой быстротой. Помнишь его «форд», изготовленный по спецзаказу? Уже не помещается. Теперь ему из Японии «лексус» прислали. Оказывается, их производят специально для борцов сумо. Представляешь, автомобиль открывается как чемодан!

– Ладно, потом расскажешь, как погуляли, – перебил его начальник. – Что по делу?

– Как мы и предполагали, информацию по чеченским боевикам, как и всему криминалу, они все же собирают. Конечно, подключить нас к своим базам данных, как бы это сказать, не имеют возможности. Однако была достигнута договоренность. По конкретным личностям вся имеющаяся информация будет скачиваться немедленно, при условии визирования запроса лично заместителем начальника Антитеррористического центра доктором Турецким.

– Ну, молодец! – похвалил Меркулов. – Кстати, с каких это пор ты заделался доктором?

– А у них нет понятия кандидат наук. Я даже не смог объяснить смысл такого звания. Синоним слова кандидат – претендент. Претендент юридических наук? Идиотизм! Как я понял, в стародавние времена имелся в виду кандидат в доктора наук. Короче, поступил честно. Сказал, что защитил научную диссертацию по юриспруденции, а они меня немедленно возвели в ранг доктора права.

– Но, знаешь, я думаю, что все равно твое докторское звание нам обмывать придется, – улыбнулся Меркулов. – Ну и что им надо взамен?

– Ты же знаешь эту нацию торговцев. Ничего бескорыстно не хотят делать. Кое-что пришлось пообещать взамен. Очень их беспокоит наш развал в оборонке. Раньше весь госзаказ поступал из одного ведомства. Все знали, кто и что должен произвести. Сейчас же появились многочисленные фирмы и частные конструкторские бюро, непонятно на чьи деньги проводящие исследования и разрабатывающие новейшие виды вооружения. Их очень волнует тот факт, что один гений может разработать устройство, над которым годами бьется целый научный город. Вот, к примеру, по их данным, Научно-исследовательский институт автоматики и приборостроения, что в Мытищах, раньше занимался разработкой устаревшей измерительной аппаратуры, попутно создавая суперсовременные системы наведения тактических ракет. Сейчас же ими испытано новейшее высокоточное оружие, которое даже не было заказано в разработку Министерством обороны. Их беспокоят, в частности, и поставки гуманитарных гру-

зов этого института на Ближний Восток. В частности, в Ирак. Я пообещал взять на контроль информацию и придержать отправку последнего рейса.

– Ладно, хорошо. Саня, у меня для тебя тоже две новости.

– Начинай с той, что касается меня лично, – попросил Турецкий.

– Пока ты там пил с Питером Реддвеем коньяк, у тебя появилась новая должность. Отныне ты – помощник генерального прокурора Российской Федерации.

– Значит, все-таки удалось? – Турецкий сокрушенно вздохнул. – А я уж думал, удастся еще немного побегать, как гончому псу.

– Все. Можешь свои знаменитые кеды покрыть лаком и сдать в музей. Тяжеловато стало тянуть воз. Так иногда хочется послать все к чертовой матери, уехать куда-нибудь, чтоб никто не достал, на Украину, к морю. Но у меня должность, с которой уходят только в одном направлении. Вот я и поставил генерального в неприличное положение. Написал рапорт с просьбой об уходе на заслуженный пенсион. Он предложил поискать компромисс. Короче, я сказал, что нужен своего рода костыль. Старший помощник, который мог бы выполнять часть моих функций, кроме того, осуществлять контроль за расследованием сверхважных дел. И в качестве такого помощника я вижу только одного человека. То есть тебя. Подчиняться будешь, отныне и присно и во веки веков, напрямую мне.

– Костя, я, как известно, манией величия не страдаю.

– Ну, после доктора Турецкого, не знаю! – засмеялся Меркулов.

– Представляешь, какая брешь образуется в нашем следственном управлении? На кого повесить воз дел, которые я тянул исключительно благодаря опыту, знаниям и природной одаренности? – добавил Турецкий.

– Знаешь, Саня, если гордыня – это осознание своего превосходства, то тщеславие – желание привить эту точку зрения окружающим. Поздравляю, ты этого добился. Три дня назад генеральный произнес твои слова одно в одно. А еще он поставил передо мной главную проблему: найти «важняка», не уступающего тебе, великому!

– Хочешь, догадаюсь, кто будет решать эту проблему? – тяжело вздохнув, произнес Турецкий.

– Александр, ты же умный человек. Ищи, называй, предлагай.

– Хорошо. Во сколько человек меня оценивает начальство?

– Этот вопрос также поднимался в нашей беседе. Можешь в свою команду взять троих. И главное условие. Они должны быть не из Генеральной прокуратуры.

– Может, мне пройти по продюсерам телеканалов? Пойми, мне нужны трое даже не талантов, а гениев. Посмотри вокруг. Где идущая на смену молодежь? Сплошь неудавшиеся адвокаты да генеральские сынки, не пошедшие по дипломатической линии из-за патологической неспособности к иностранным языкам.

– Саня, не паникуй. Россия велика. Наши людские резервы неисчерпаемы.

– Допустим, присмотрю я кое-кого в провинции. А как же с жильем? – задал животрепещущий вопрос Турецкий.

– Ты сам знаешь, сейчас с этим проблемы, – печально произнес Меркулов. Он помнил времена, когда квартирный вопрос для Генеральной прокуратуры рассматривался в двух проекциях: сколько комнат и в каком районе.

– Ну сколько стоит квартира в Москве? – начал рассуждать Турецкий. – Допустим, пятьдесят «штук». Хороший следователь вернет в казну их с одного раскрытого дела, а плохой в лучшем случае будет штаны протирать до пенсии, в худшем войдет в сговор с преступниками, дабы наскрести на ту же квартиру.

– Ладно, постараюсь твою математику привести в беседе с нашим мэром. Есть у нас небольшой жилищный фонд, но только с его личного согласия...

Турецкий, покинув кабинет Меркулова, уловил новый аромат. Клавдия Сергеевна смотрела на него влажными влюбленными глазами. Он наклонился и произнес:

– До вечера?

– До вечера.

И он и она знали, что вечером, скорей всего, ничего не будет. Турецкий обязательно унесется по делам, назвав их неотложными, а Клавдия, так и не дождавшись, когда шеф закончит свой бесконечный рабочий день, поедет на метро до Орехова. Но это был даже и не обман. Просто одинокой женщине жизненно необходимо время от времени назначать свидания. На душе у нее тогда становится светлее.

Глава 3

Академики тоже умирают по пятницам

День не предвещал ничего плохого. Была обычная пятница, тринадцатое мая. Академик Жбановский любил последний рабочий день недели после обеда. В это время резко снижалась деловая активность посетителей и просителей. Их мысли перестраивались на планы относительно предстоящих выходных, и он мог немного вздохнуть.

Хотя Жбановский уже третий десяток лет руководил научно-исследовательским институтом, и руководил довольно успешно, административная работа тяготила. Все-таки прежде всего он был исследователем. Да, иметь в руках мощный инструмент, дающий возможность разбить неосуществимый проект на несколько локальных, а затем собрать результаты воедино, все равно что виртуозу обладать скрипкой Страдивари. Но возможность «поиграть» выпадала урывками.

Он буквально тонул в нескончаемом потоке раздутых до вселенского масштаба мелких жалоб, просьб о прибавке зарплаты, склок типа: «он получает больше, а делает меньше», требований: «верните моим детям мужа», нескончаемых счетов, прорывов сантехники, больничных листов, всевозможных отпусков. Время от времени он пытался заставить помощников и заместителей решать мелкие проблемы без своего участия. Однако из этого никогда ничего хорошего не получалось. Люди, не способные разрешить пару самых мелких вопросов, внезапно принимали стратегические решения в делах, к которым их и близко подпускать было нельзя.

А чего стоят юбилеи, дни рождения, обмывания званий и степеней? Если не прилагать невероятных усилий, то спиться можно за год. Тем более что в молодости лейтенант Жбановский лично сопровождал ядерные боеголовки на Кубу и обратно. Два месяца в трюме, при сильнейшем радиоактивном облучении, не прошли даром. Однажды под душем все волосы смылись и никогда больше не выросли. Жбановскому для вывода радионуклидов требовалась ежедневная доза спиртного. Незаметно алкоголь стал разновидностью питания. Академик нашел в себе силы побороть и этот соблазн.

Жбановский протер платочком вспотевшую голову. Достал бутылочку кагора. Нацедил половину стакана. Выпил. Прислушался, как приятное тепло разливается по телу. Вино ему поставлялось по спецзаказу с Кубани. Стоит в небольшом городке Ейске крошечный заводик и производит вина, которые тут же грузятся на суда и уходят по миру. А у нас качественный продукт конкуренции с бормотухой не выдерживает.

Разложил на столе чертежи и покрытые формулами и таблицами листы. Теоретически все было просчитано, но проверки практикой расчеты не выдержали. Теперь предстояло подвести под результаты испытаний научную базу.

«Пуля влетела в окно, повернула на двадцать градусов с радиусом разворота тридцать три миллиметра. Через тринадцать микросекунд по дуге вошла в цель. Однако на конечном участке коэффициент рысканья оказался больше расчетного на три десятых процента». Это было недопустимо много. В результате угол атаки изменился на острый. Убойная сила, соответственно, упала на двадцать процентов.

Жбановский чувствовал, что ответ на поверхности. Мало того, не оставляло чувство, что он подсознательно знает. Несколько раз подступало: вот оно! Но всякий раз наступал срыв. Раньше хорошо думалось ночами, но теперь он был не в том возрасте, чтобы насиловать организм. Академику жизненно необходимо были две вещи. Полнейшее погружение в проблему, когда кроме нее ничего на свете не существует. И затем переход в состояние полного покоя, когда голова абсолютно свободна от мыслей. Тогда находит озарение. Из полнейшей абстрак-

ции вдруг вырисовывается идея. Жбановский предпринял очередную попытку вникнуть в суть проблемы.

Обитая звуконепроницаемым материалом дверь бесшумно отворилась. Из-за нее выглянула белокурая женская головка. Секретарша пару секунд рассматривала шефа. Она достаточно хорошо успела изучить свое-нравного академика. Беспокоить его в такие моменты не следовало. Так же тихо прикрыла дверь.

Ломая руки, прошла по приемной. У девушки в сумочке лежал билет на самолет до аэропорта Адлер на девятнадцать часов. Оставалось всего четыре. Можно сказать, она уже опаздывала. Неделию назад Жбанов-ский обещал пораньше отпустить, но она не могла бросить все и бежать. Каждый день, уходя домой, девушка вынуждена была предупреждать об этом начальника.

Она на секунду задумалась и, поняв, что нерешительность может сильно испортить отпуск, схватила дверную ручку.

Жбановский вздрогнул. Не дав ему опомниться, секретарша, делая большие глаза и беспрестанно улыбаясь, выпалила:

– Марк Борисович, извините, но я опаздываю на самолет. Вы обещали отпустить сегодня пораньше.

– Да? – Академик недовольно приподнял нарисованные черным стеклоглафом брови.

Сегодня он разместил их слишком высоко, поэтому выглядел смешным и трогательным, как бы ни пытался рассердиться. Почувствовав, что девушка всерьез его ворчание воспринимать не собирается, сменил гнев на милость.

– Ладно. В курс дела Лену ввела?

– Конечно!

– Не люблю я это. Все придется делать самому. Обычно секретарь уходит в отпуск с руководителем одновременно.

– И отдыхают вместе где-нибудь на островах! – радостно дополнила она мысль. – Я согласна. Однако, Марк Борисович, я молода и не могу без отпуска три года.

– Неужели я три года не был в отпуске? Вот закончим с этой пулей, тоже поеду отдохнуть, – мечтательно произнес Жбановский.

Его близорукий взгляд скользнул по открытому животу. Там нечто блеснуло. Приподнявшись, академик вытянулся вперед и спросил:

– А что это у вас?

– Пирсинг, – ответила секретарша и, поняв, что это слово в лексиконе шефа отсутствует, разъяснила: – Просто проколола пупок. Это сейчас модно.

– Черт знает что! – взорвался Жбановский. – Вы в этом ходили весь день? Умная, образованная, молодая женщина. Красавица. Мать двоих детей! И вдруг такая легкомысленность! Вы же лицо института! Ко мне приходят солидные люди: министры, депутаты, генеральные директора, выдающиеся деятели науки и культуры. И что их встречает? То драные джинсы, то полнейший разврат. Что подумают уважаемые люди, увидев ваши лохмотья?

– Какая зарплата, такая и одежда! – с ходу парировала девушка, нервно поглядывая на висевшие напротив двери часы. Во время разговора стрелки ускорили свой бег по циферблату.

– Ладно, беги, – смиловился Жбановский. – Но чтобы больше этого безобразия я не видел!

Помощница выпорхнула. Академик ухмыльнулся. Любил он эту девушку, хотя частенько ругал. Нравилось ему в ней то, что, справедливо принимая критику, она никогда не испытывала чувства вины. У нее это было врожденным. Жбановскому, для того чтобы прийти к такому же мироощущению, потребовалась вся жизнь.

Он встал из-за стола. Потянулся, закинув руки за спину. Прислушался к звукам, сопровождающим физические упражнения. Подошел к двери и запер на ключ. С обратной стороны

теперь могли стучать руками, ногами, хоть головой. В кабинете нарушить тишину было невозможно. Отключил все телефоны, кроме «кремлевского» – без номеронаборника, соединявшего напрямую с заместителем министра обороны по вооружению. И вернувшись, занял свое место за столом.

Едва собрался с мыслями, зазвонил «кремлевский». Академик чертыхнулся и поднял трубу. На проводе, как ни странно, оказался его заместитель, профессор Чабанов. Впрочем, профессором он был таким, что члены научного совета иначе как «чабаном профессорским» его не называли.

– Марк Борисович, разрешите на прием. Возникла срочная производственная проблема, – прозвучал уверенный голос.

– Виталий Игоревич, вы каким образом оказались на этой линии? – удивился академик.

– Испытываю новейшую разработку телефонного сканера, – доложил заместитель.

– Интересно, интересно. Занесите материалы и образец, – произнес Жбановский, обожавший новые проекты.

Встал, перевернув бумаги и чертежи. Академик не то чтобы не доверял своему заместителю, а просто опыт показывал: чем меньше людей посвящены в проект, тем успешнее он проходит. Даже если не ставились палки в колеса, разработку могли элементарно сглазить.

Подошел к двери и отворил. Перед ним стоял сияющий розовыми щечками Чабанов. В руке он держал папку. Из кармана выглядывала отвертка.

– Ну, показывайте, – произнес руководитель.

– Вот здесь надо подписать, – качнув головой с черным зализанным на аккуратный пробор чубом произнес Чабанов и подсунул папку.

– А где сканер? – рассеянно беря бумаги, уточнил академик.

– Пожалуйста, – произнес профессор и протянул отвертку. – У нас все телефонные коробки выведены в коридор. Любой может, встав на стремянку и подключившись обыкновенной трубкой, прослушивать все разговоры. Причем есть доказательства, что не только прослушивают, но и сами звонят по межгороду. Я устал оплачивать счета на ваш, мой и номер начальника отдела кадров. У остальных восьмерка закрыта.

– Да? – поразился Жбановский. – Немедленно принять меры по предотвращению несанкционированных включений. Подготовьте приказ. Я подпишу. Что еще?

– По рыбкам. Проект договора о поставке в Ирак, – произнес, переворачивая стопку отпечатанных листов, Чабанов.

– Им что, нечего больше делать? Оставьте. Я посмотрю.

– Сроки поджимают. Таможня и все такое. Поставьте печать и подпись на последнем листе. А окончательный вариант потом согласуем, – продолжал настаивать профессор.

– Ладно, – согласился Жбановский, подписываясь и ставя печать. Он уже проходил подобную процедуру с поставками в другие страны. – Еще вопросы?

– Небольшая просьба. Двести долларов до понедельника, – потупившись, произнес Чабанов.

– Возьмите, – проворчал академик, открывая сейф, – и советую больше не шутить с этим аппаратом.

Заместитель вышел. Жбановский раскрыл настольный блокнот – «поминальник» и записал: «13.05. Чабанов взял 200 \$». Взгляд академика скользнул по договору. Рабочее настроение пропало. Ох уж эти рыбки...

В начале перестройки на институт был спущен план по выпуску конверсионной техники и товаров повседневного спроса. Как человек, занятый глобальными проблемами, Жбановский не мог позволить себе роскоши размениваться на всяческие утюги-чайники. На совещание в Министерство приборостроения он послал своего заместителя, предупредив, что все

проблемы с заказом: планирование, производство и реализация – полностью ложатся на него. Когда счастливый Чабанов вернулся и коротко, часа на полтора, доложил, в какие интриги был втянут, Жбановский даже порадовался, что не поехал сам. Профессор сумел добыть самый интересный заказ, сулящий значительную прибыль. Торжественно раскрыл папку с технической документацией. Академика впервые в жизни начал трести нер-вный тремор. Если бы он умел, то разрыдался бы.

Научно-исследовательскому институту автоматики и приборостроения, каждая разработка которого отслеживалась лично шефом ЦРУ, предстояло выпускать магнитную игрушку «Рыбки» для детей от трех до пяти и ее разновидность – для страдающих синдромом Дауна.

Жбановскому стало стыдно перед потенциальным противником. Чабанов подошел к делу с размахом. Однако, едва он наладил массовое производство, как госзаказ сняли и предложили взять реализацию на себя. К этому институт был совершенно не готов. Теперь значительная часть производственных помещений и складов была заполнена этим хламом. Генеральный директор был вынужден прикрыть производство, пока не будет распродано то, что уже выпущено.

Впрочем, деловая смекалка у Чабанова все же была. Он нашел партнеров на Ближнем Востоке и уже отправил пару партий игрушек в Сирию и Иран. Теперь вот на очереди Ирак...

Академик снова погрузился в размышления. Но ничего в голову не шло. Тогда он аккуратно сложил чертежи и научные выкладки в черный чемоданчик. Вынул из шкафа рукопись очередной монографии, посвященной проблемам турбулентности при полетах малых конусообразных тел, и принялся покрывать листки письменами и формулами. В голове давно сформировались новые идеи, складывавшиеся в неплохую теорию, и держать столько информации в мозгу было невыносимо. Она требовала выплеска. А времени катастрофически не хватало.

Когда поставил точку, уже стемнело. Академик принял решение спрятаться на даче и поработать в тиши два дня. Он машинально набрал номер. Телефон молчал. Жбановский чертыхнулся и включил тумблер. Еще раз покрутил диск. Из трубки долетел голос:

– Проходная.

– Это Жбановский. Передайте Кокушкину, что я выхожу через пятнадцать минут.

Своего персонального водителя Жбановский выбирал по принципу: «Тише едешь – дальше будешь». Все претенденты, едва он успевал захлопнуть дверцу, давили педаль в пол до отказа и мчались со скрежетом тормозов на поворотах. А степенный Павел Кокушкин, прежде чем сесть за руль, открыл капот. Провел осмотр двигателя, проверил уровень масла, тосола, натяжение ремней, качнул зад, перед, убедился в работе ручника, поворотников и стоп-сигналов. Затем повернул ключ зажигания, послушал, как работает движок, оценил цвет дыма из выхлопной трубы, подождал, пока двигатель прогреется, и не спеша поехал. Жбановский пришел в полнейший восторг, и вот уже десять лет не мыслил жизнь без своего шофера. Он не знал, что у Кокушкина лавры чемпиона автогонок в стиле экстрим, титановая пластинка под кепкой, имплантант ключицы и нога на искусственном шарнире.

– Домой, – произнес академик.

Автомобиль тронулся и побежал по чистой дороге. Навстречу неся плотный поток дачников. Почему-то Жбановскому в этот вечер не думалось о работе. Проект, над которым он трудился последние три года, подходил к завершению. А никаких принципиально новых идей не возникало. Невольно создавалось ощущение, что дело жизни сделано. «Какой прекрасный день, чтобы умереть», – вспомнилось откуда-то.

Он рассеянно глядел по сторонам. Странно получилось: эти два красивейших проспекта прошли через всю его жизнь, как сквозь тело Москвы с северо-востока на юго-запад. Когда жил на проспекте Мира, работал на Ленинском, и наоборот. Раньше он знал, какое учреждение в каком доме находилось. А теперь все забегало, засуетилось, засветилось и засверкало. Вывески

сменяются так часто, что не имеет смысла запоминать. Может, возраст? С годами время стало пролетать такими бешеными темпами. Вот и автомобили несутся с сумасшедшей скоростью. Пытаются обогнать друг друга. Зачем? «Летите, летите, все равно не убежите от судьбы. Все там будем. Но я пока не тороплюсь», – думал человек, не раз подвергавший опасности свою жизнь и здоровье.

После Яузского моста дорога расширялась. Это было единственное место на всем пути, где служебная «Волга» вместо крайнего правого ряда оказывалась посреди дороги. Едва она начала маневр, раздался чудовищной силы удар и автомобиль выбросило на встречную полосу. Реакция водителя была кошачьей. Он промчал, увертываясь от лобовых ударов, словно по гигантскому слалому, и наконец затормозил. Выскочил. Оглянулся на место аварии. Никого не было.

– Красный, по-видимому, джип, – констатировал водитель, присев над сильной вмятиной со следами чужеродной краски.

– Ну молодец, – наконец смог открыть рот академик. – Лихо ты! А это пустяки. Залатаем.

Снова тронулись в путь. Напротив Дома мебели свернули направо. Обычно водитель подъезжал к подъезду. Консьержка, сидевшая перед монитором, знала всех жильцов. Едва академик приближался, дверь открывалась сама. После этого Кокушкин отъезжал. На обратном пути обязательно попадалась возможность подбомбить.

В этот раз дорогу к дому перегородила свежевырытая траншея и болтавшаяся на строительном скотче рукописная табличка: «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ».

– Марк Борисович, давайте провожу вас до подъезда, – изъявил желание шофер.

– Перестаньте. Глупости какие! – махнув рукой, сказал академик. – Пройдусь десять метров. Завтра в семь. Поедем на дачу. До свиданья, и еще раз примите мою огромную признательность.

– Счастливо! – пожелал шофер.

Жбановский, сверкая отражениями фонарей на лысине, пошел в сторону дома. Кокушкин начал выруливать. И вдруг в зеркало заднего вида увидел, как из-за угла дома вышли двое мужчин в черных шапочках. Они медленно приблизились к академику. Водитель прекратил маневр и остановился. Он решил убедиться, что тот зайдет в подъезд без приключений. Один что-то спросил. Марк Борисович, задумавшись, привычно закинул несколько назад и влево голову. В этот момент второй резко полоснул чем-то блеснувшим по горлу. Жбановский упал на колени, выронил «дипломат» и схватился руками за шею. Напавшие подобрали чемоданчик и скрылись в темноте между домами. Водитель бросился к академику. Тот уже завалился на асфальт. Судорога перекосила лицо. Захлебываясь потоками крови, он пытался что-то сказать. Но изо рта вырывалось неразборчивое клокотание. Выскочила перепуганная консьержка. Павел закричал ей:

– «Скорую» и милицию вызывай! Срочно!

Он бросился к машине за аптечкой. Разорвал пакет с бинтом и принялся наматывать на горло. Через несколько минут академик Жбановский, потеряв сознание, тихо умер на руках водителя. Выскочили соседи. Кокушкин распрямился. Мрачно произнес:

– Сейчас вернусь.

Медленно подошел к своей «Волге». Плавнo открыл дверцу. Неторопливо уселся на водительское кресло. Взревел мотор. Неожиданно резко автомобиль сорвался с места и исчез за поворотом. Времени на принятие решения не оставалось. Он успел все обдумать, пока шел. Теперь оставалось действовать. Вариантов отступления у негодеев было несколько. Но выбирать предстояло между двумя наиболее вероятными: по Ленинскому в сторону МКАД и по Вернадского – к центру. На Кольцевой – сплошные посты. На Ленинском – плотное движение в область. Он вырулил дворами на прямую улицу и помчался в сторону Вернадского.

Выскочив на проспект, Кокушкин полетел по крайней левой полосе со скоростью сто двадцать километров в час, пытаясь разглядывать сквозь стекла пассажиров. Неожиданно на перекрестке перед ним оказался красный джип с вмятиной на правом углу крашеного кенгурятника. Кокушкин сразу понял, что это именно он. Кроме водителя там находилось еще двое, как ему показалось, подростков.

Джип вдруг неожиданно газанул и понесся на красный свет. «Волга» понеслась следом. Теперь карты были открыты. Убегавшие поняли, кто у них на хвосте, и пытались оторваться. Однако на городских трассах сильный двигатель джипа преимущества не давал. Время работало на Кокушкина. Несколько минут таких гонок, и внимания со стороны правоохранительных органов не избежать.

Неожиданно внедорожник, резко затормозив, стал как вкопанный. «Волга» закрипела колodками. Попыталась уйти в сторону. Но не смогла. Если в движении она еще как-то выдерживала конкуренцию, то процесс торможения шансов не оставлял. Раздался сильнейший удар. «Волга» перевернулась на крышу и перелетела перекресток...

Глава 4

Господа офицеры

Владимир Поремский был из семьи потомственных моряков. Родился на Тихом океане, мотался вместе с родителями по военным городкам. Школу заканчивал в Североморске. Отец – командир подводной лодки. Поэтому вопрос, куда поступать после школы, даже и не поднимался. Были некоторые колебания относительно училища, но склонность к электронике взяла свое. Несмотря на конкурс – шесть человек на место, – на факультет автоматизированных систем управления Высшего военного морского училища радиоэлектроники имени академика Колмогорова он прошел.

Однако романтика новой парадной формы быстро сменилась серыми буднями бесформенной робы, сапогами, бесконечными строевыми занятиями и монотонной греблей на шлюпках. Но что его поразило больше всего: офицеры, сами бывшие курсанты, в упор не хотели видеть в курсантах будущих офицеров, а относились, как к скоту, быдлу. Да и сами курсанты, половина из потомственных военных, другая из интеллигентных семей, почему-то радостно опускались до самого низшего уровня. За доблесть почиталось напиться по-свински и облевать себя.

Дедовщины не было, но младшие командиры зверствовали по-черному. Особенно доставал старшина Загранкин. Он, наверное, думал, что с такой фамилией на флот ему прямая дорога. В училище попал прямо из Афгана, прослужив там полгода. Умственные способности оставляли желать лучшего, однако «боевое» прошлое сделало свое. Его приняли вне конкурса. У сокурсников оно поначалу невольно вызывало приступы восхищения.

Кроме военных заслуг Загранкин славился лосиным здоровьем и зычным голосом. На этом таланты кончались. Свое патологическое неумение складывать дроби он с лихвой компенсировал неисчерпаемым запасом армейской дури.

День начинался с того, что дежурный тихо будил командиров взводов за пятнадцать минут до подъема. Они одевались, заправляли кровати и выстраивались наблюдать за действиями своих подразделений. Затем диким голосом давалась команда «подъем».

Голос курсантам старшина ставил сам на занятиях по общевоинской подготовке. Он прохаживался перед отделением из десяти человек, стоявших по стойке «смирно», и гундосил:

– Сегодня занятие по выработке командного голоса. Если вы сейчас попадете на флот с таким блеянием, то в первом же походе будете опущены. Матрос – как собака, чувствует по голосу, насколько уверен офицер. Чем достигается командный голос? Командный голос достигается тренировкой. Значит, будем тренировать команду «подъем». Этой командой заканчивается ночное бздение и начинаются тяготы и лишения очередного дня. Поэтому она должна навсегда запомниться самым страшным кошмаром. Курсант Поремский!

– Я.

– Команда!

– Подъем!

– Громче!

– Подъем!

– Громче!

– Это мой физический предел, – твердо ответил Поремский.

– Физического предела не бывает. Таким голосом будешь мамочке «спокойной ночи» желать. Голос должен напоминать вопль кота во время кастрации без обезболивания. Курсант Поремский, курсант Тулянинов.

– Я.

– Я.

– Взять Поремского! – скомандовал старшина. – Уложить на пол!

После небольшой возни Володька оказался на линолеуме. Его держали двое. Загранкин медленно подошел, поставил сапог в промежность и резко надавил. В ужасе Володька заорал:

– А-а! бля...

– Не то, – подавляя зевок, произнес садист.

– Подъем! Суки...

– Видишь? Можешь, если захочешь. Следующий, курсант Мовчан...

Ночью Володя подошел к стенду с фотографиями отличников и командиров, достал ручку и, дорисовав снизу палочку, под портретом Загранкина исправил букву «г» на «с».

Наутро к стенду невозможно было пробиться. Толпа время от времени издавала громкие всплески смеха. Старшина, растолкав курсантов, пролез к фотографиям. Уши у него мгновенно приобрели свекольный цвет. Стенд, естественно, тут же исчез.

Разъяренный Загранкин построил курс. Прохаживаясь вдоль строя, произнес:

– Если в течение минуты сволочь не признается в содеянном, увольнений в выходные не будет.

Уставился на часы. Неожиданно раздался голос Мовчана, шагнувшего вперед:

– Я.

Поремский, твердо решивший признаться в конце минуты, несколько опешил. Но также вышел и произнес:

– Я.

Неожиданно еще несколько человек взяли вину на себя. Старшина радостно наказал всех, за что сам вскоре получил взбучку от замполита училища за запрещенное коллективное наказание. А Поремский в тот день подрался с Мовчаном, но выбить у него признание не смог. Так подвиг и остался на чужом счету.

После подъема в любую погоду мчались по форме номер два, то есть с голым торсом, по аллеям до мемориала. Как раз три километра. Строились. Поджидали отставших. Считались и вновь неслись в казарму. На сто пятьдесят человек – двенадцать умывальников с холодной водой. Прибежавший раньше имел больше шансов умыться, побриться, привести себя в порядок. Поремский, как правило, прибегал в первой десятке. Бывало, оставлял позади и самого старшину, но не мог одного – прийти вперед Вовки Мовчана.

Затем после осмотра, условно съедобного завтрака, бесчисленных разводов, построений и прохождений начинались занятия.

Через некоторое время муштра начала приносить свои результаты. Стал нравиться четкий выверенный распорядок дня. Хороший тонус давали постоянные физические нагрузки. Бег и гребля делали фигуру. Поремскому стало нравиться идти в строю, чувствовать себя частицей коробки десять на десять, которая, повинувшись приказу, становилась единым организмом. Он начал чувствовать комфорт от отсутствия необходимости думать и принимать решения. Ясно теперь понял, как это в царские времена запросто служили солдатами по двадцать пять лет. И только занятия по общеобразовательным дисциплинам не давали полностью погрузиться в радость овощеподобного существования.

Как-то незаметно Володя Поремский сошелся со своей противоположностью – Мовчаном. Худенький, шупленький, ноги в сапогах, как пестики в ступе, весь какой-то синевато-лилового цвета, вел в основном антиобщественный образ жизни, отсыпаясь на лекциях. А по ночам, если не бегал в самоволку, пьянствовал в ленинской комнате или скакал по кроватям второго яруса, за что бывал неоднократно бит, но без особого толку. Что привлекало Поремского в нем, было непонятно. Его странно притягивала беспринципность, окрашенная

какой-то лихостью, наплевательским отношением ко всему. В Гражданскую из таких получались исключительно анархисты.

Еще тезка Поремского бегал. Просто уму непостижимо! Десять километров с полной выкладкой. Автомат, три магазина, противогаз, подсумок с четырьмя гранатами, полевая сумка – килограмм пятнадцать наберется, а сам весит чуть больше пятидесяти. Пока бежит, выкурит пачку сигарет, раз десять смотается туда-сюда, шлепнет разгуливающую по аллее девку по заднице, а финиширует все равно первым! Загадка природы.

Но самое прикольное – его самоходы. Дисциплина не оставляла шансов на увольнение. Поэтому Мовчан просто перемахивал через забор и несся к ближайшему магазину. Брал бутылку водки и выпивал ее на пороге из горла. Он вливал пол-литра, не делая никаких глотательных движений. Когда жажда была утолена, наступало время поиска приключений.

Ленинград – город военный: пятнадцать училищ, три академии, сколько частей, никто вообще не знает, а тут еще корабли. Поэтому патрули – такая же визитная карточка города на Неве, как «Аврора». С тем только отличием, что последняя стоит на вечном приколе, в то время как патрули постоянно перемещаются. Главной проблемой нормальных курсантов был поиск антипатрульных троп. Мовчан же ходил на них охотиться.

Без труда находил. После чего начинал радостно подпрыгивать, махать руками, посылать воздушные поцелуи. В общем, делать все для привлечения внимания. Он запросто мог спустить брюки, наклониться и пошлепать себя по голому задку. На приказы подчиниться отвечал всем набором неприличных жестов от похлопывания правой рукой в районе локтевого сгиба левой до вывертывания век наизнанку. Результат был предсказуем – начиналась облава. Он нагло кричал: «Поймайте курсанта Мовчана» – и мчался по трамвайным шпалам, свежевыважным клумбам, детским садикам. Для него ничего святого не было. Терпеливо дожидался своих преследователей и, видя, что они полностью выдохлись, изошли потом, махнули на него рукой, быстро терял интерес и шел на поиски очередной жертвы.

За одну самоволку загонял таким образом четыре-пять патрулей. В комендатуре о нем знали и даже проводили специальный инструктаж. Несколько раз пытались организовать настоящую облаву, но безрезультатно.

Иногда Мовчан брал с собой и Поремского. Как-то они попали в милицию, когда решили «накосить» роз для «англичанки» на клумбе перед горкомом. И то благодаря тому, что изменили тактику. Вместо того чтобы убежать, попробовали спрятаться и переждать. Однако вышли сухими. Их забрал сам замполит училища. Вот тогда в кабинете высокого начальства Поремский и услышал слова, которые несколько изменили его идеалистические взгляды на жизнь. Не замечая Поремского, капитан первого ранга Зайковский, раздувая ноздри и производя всем своим видом впечатление разгневанного зверя, кричал:

– Если бы ты был не мой сын, я бы тебя наказал! Все. Иди!

Направляясь в казарму, Володя поинтересовался:

– Он что тебе, вправду отец?

– Да какой там, – нехотя буркнул тот, – так, мать по пьянке трахнул. Она, дура, аборт не захотела.

Володя Поремский, с детства привыкший к романтике отношений родителей, был несколько озадачен. Нескончаемой полярной ночью, под завывание пурги, они с мамой ждали возвращения отца из похода. И не было для нее более священных минут. Она могла бесконечно рассказывать, как ворвался в ее городок, раскинувшийся в бескрайних степях северного Казахстана, лихой лейтенант-морячок. Две недели были знакомы. А потом забежали в ЗАГС, расписались и улетели на Дальний Восток. Родственники, конечно, были шокированы, но она ни дня, ни минуты, ни секунды не жалела об опрометчивом поступке. Ни когда жили в казарме, в углу, отгороженном занавесочкой, ни в Находке, когда ураганом перевернуло жилище и выдуло весь нажитый нехитрый скарб, ни на безымянных островах Ледовитого океана, где, прежде

чем сходить в туалет, надо было попросить мужчину поставить его в вертикальное положение. Ночью приходили белые медведи и обязательно переворачивали. Историю своего рождения он знал как самую светлую сказку. Поэтому произнес:

– Ты так говоришь, словно речь идет не о тебе самом.

– Знаешь, у него детей нет, – объяснил Мовчан. – А разводиться должность не позволяет. Ну и зачал на всякий случай наследника. А родился свой, забыл бы в момент. Вот, благодетель, от армии спасает.

Но безнаказанность – плохой советчик. Однажды Мовчан предложил смотаться к бабам, которых, как он признался впоследствии, у него тогда и не было.

Они покинули казарму через окно и побежали по темным аллеям. Неожиданно впереди замаячил комендантский патруль. Володя предложил потихоньку смотаться. Но Мовчан был сумасшедшим. Он подкрался к начальнику патруля, схватив за кобуру капитана, заорал: «Отдай пистолет» – и мгновенно отпрянул. Его бросились ловить. Зачем-то он вывел преследователей на Володьку и сиганул в кусты. Володя принял эстафету. Ему не повезло. Двор оказался непроходным. Поремского поймали, доставили в комендатуру и посадили на гауптвахту на десять суток.

На вторые сутки он узнал о гибели подводной лодки в водах Атлантики. Капитаном лодки был его отец. Ему стало невыносимо плохо. Он был нужен матери, которую мог тоже потерять. Но на просьбы отпустить, перенести наказание, решить как-нибудь вопрос Поремскому неизменно отвечали: «Нет такого закона». Тогда, разбивая от бессилия кулаки в кровь о серые стены каземата, он принял решение навсегда распрощаться с армией, а чтобы не чувствовать себя таким же бесправным и беззащитным всю жизнь, пойти на юридический факультет МГУ.

Глава 5

Суета сует

Официально рабочий день в Генеральной прокуратуре заканчивался в восемнадцать ноль-ноль. Однако, едва большая стрелка настенных часов приблизилась к цифре двенадцать, Турецкий машинально перевел взгляд на местный телефон. Аппарат немедленно разразился веселым звоном. Означать это могло одно: надо поработать. Он поднял трубку.

– Александр Борисович, зайдите! – прозвучал неласковый голос секретарши Меркулова.

Он поднялся на этаж. Первое, что увидел в приемной, – полные укора огромные глаза Клавдии. Затем разглядел расположившихся напротив нее на диване двух молодых людей. Турецкий не считал себя выдающимся физиономистом, но беглого взгляда было достаточно, чтобы составить не очень лестное представление относительно сидевших. Один из них явно не дружил со спортом, другой слишком много для мужчины уделял внимания своей внешности. Блондинистые локоны с мелированным, нарочито небрежно разбросанным чубом, два шрамика на левой мочке, явно от прокола, чуть длиннее общепринятого стандарта баки, ни одного невыбритого волоска, фирменные дорогие сапоги «казаки».

Женщина вздохнула и произнесла:

– Турецкий, клянись, что ты ни при чем!

– Клянусь. Я ни при чем, – произнес он самым честным голосом. И уточнил: – А у кого родился мальчик?

– Какой мальчик? – не поняла секретарша.

– Голубоглазый, умный, спортивного телосложения, в кедах и джинсах.

– Я о другом, – пожаловалась Клавдия Сергеевна – За мной коты бегают.

– Как это бегают? Белые или черные? – удивился Турецкий. – Вы случайно валерианой не злоупотребляли?

В этот момент в проеме приоткрытой двери показался тощий рыжий кот. Мгновение он оценивал обстановку, а затем уверенно направился к секретарше. Клавдия, испуганно сев на стул, попыталась подтянуть к подбородку колени. Турецкий вовремя пришел на помощь, шугнув животное.

– Вот видишь? После твоего подарка. Тех духов, – пояснила она.

– А я разве дарил духи? Мадам, вы запутались в поклонниках.

– Ой! – Женщина прикрыла рукой рот, внезапно о чем-то догадавшись.

Турецкий, незаметно оставив на столе секретарши, под бумагами, шоколадку, вошел в кабинет своего начальника.

– Разрешите? – спросил он, прикрывая дверь.

– Входи, дорогой. Вот какое дело, Саня. Оформить перевод в Москву твоих орлов для генерального не проблема. Хотя, пообщавшись с начальниками ребят, я понял, что в тебе пропадает дар кадровика. Еще ни разу не встречал такого ожесточенного сопротивления. Представляешь, меня трижды за один день обвинили в продажности мафиозным структурам! Самому захотелось их иметь. Но это наше ведомство. Как-нибудь прорвемся. Беда в другом. Мэр ничего и слышать не желает о предоставлении жилья.

– Подожди. Ты так рассуждаешь, словно мэр в нашем государстве хозяин всего жилого фонда. С каких это пор министры на побегушках у чиновников? – начал заводиться Турецкий.

– Не кипятись. Оказывается, все лимиты у него бюджетники уже выбрали на несколько лет вперед. По Генеральной прокуратуре за этот год господин Казанцев улучшил свои жилищные условия, получила квартиру начальница клуба, одинокая женщина...

– И что теперь делать? – Не дал договорить начальнику уже размечтавшийся, как построит работу, помощник.

– Ну, во-первых, немного подождать. Время от времени мы же выходим на достаточно крупных дельцов, близкие отношения с которыми могут скомпрометировать любого. Да и власть имущим приходится иногда обращаться к нам за помощью, – рассудительно произнес Меркулов.

– А пока не представится удобный случай?

– А на то время к тебе прикомандировываются двое молодых стажеров, – продолжал он в том же спокойном тоне.

– Это случайно не те двое? – Турецкий не мог успокоиться.

– Клавдия Сергеевна, пригласи молодых людей, – произнес Меркулов, нажав кнопку селектора.

Дверь отворилась. Вошли подающие надежды вундеркинды. Турецкий оглядел их, не скрывая своего скептического отношения. Да, в его время таких близко не подпустили бы к следственной работе, даже исходя из внешнего вида.

– Представляю – Ямпишев Леонид Романович, Сухогликин Вячеслав Игоревич. Турецкий Александр Борисович. Ваш непосредственный начальник. С сегодняшнего дня поступаете в его распоряжение.

Турецкий оглядел пополнение и произнес:

– Ну пойдёмте знакомиться.

Александр Борисович за долгие годы неплохо научился разбираться в людях. Печальный опыт показывал, что людьми легко и просто манипулировать. Сердце женщины не выдерживает примитивнейших комплиментов. А кратчайший способ понять, что из себя представляет мужик, – распить с ним бутылку. Посему, чтобы не терять времени, он забрал помощников и повел их в «Погребок».

Выводы сильно не обнадежили. Пятьдесят на пятьдесят. Сухогликин показался парнем покрепче. Пил хорошо. Практически не пьянел. Умел молчать. Ямпишев же после двухсот грамм повысил голос на пол-октавы. Начал нести всяческий бред и, едва сев в вагон метро, заснул. «Не наш человек», – подумал Александр Борисович, ощущая, как полегчал бумажник после расплаты за эксперимент.

Турецкий любил розыгрыши. Умел по достоинству оценить злой, острый прикол. Поэтому люди, понятия не имевшие о чувстве юмора, считали своим долгом подшутить именно над ним.

Как-то сотовый телефон пропал прямо из кабинета. А через пару часов объявился. Все бы ничего, но с тех пор при любых вызовах он играл только «Турецкий марш», и ничего более. Тащиться в сервисный центр просто не было времени, и Александр Борисович махнул на это рукой. Мотив очень быстро приелся. Затем стал выводить из себя. Днём его слушать было ещё можно, но бодрые аккорды по ночам вызвали ненависть ко всему творчеству несчастного Моцарта.

Именно этот марш и разбудил Александра Борисовича. Он резко схватил аппарат. Нажал кнопку ответа и помчался в ванную, пока не перебудил весь дом. Жена и дочь также не переносили «Турецкий марш». Часы на дисплее телефона показывали два часа семнадцать минут. Звонил сам Меркулов:

– Привет, Саня, не разбудил?

– Если честно, пока ещё нет, – пробормотал Турецкий, подавляя зевок и недовольно разглядывая в зеркале опухшую физиономию.

– Тогда протяни руку и крутани синий кран до упора влево. Сунь под струю голову минуты на три, – последовал совет Меркулова, точно знавшего местонахождение собеседника.

– Я бы знаешь что сунул... – ответил Александр, плеснув холодной воды на лицо. – Ладно, давай к делу. Ты же по пустякам среди ночи дергать не станешь. Что, неизвестное слово в кроссворде попало?

– Первая буква «Ж». Два часа назад убит академик Жбановский у подъезда своего дома. С виду обыкновенный грабеж. Но смущают два обстоятельства. Похищен чемоданчик, где, возможно, были сверхсекретные материалы, тогда дело действительно наше.

– А второе? – уточнил Турецкий.

– Помнишь, вернувшись из Германии, ты рассказывал о просьбе Питера Реддвее пригласиться к одному научно-исследовательскому институту? – спросил Меркулов.

– Да, конечно, – подтвердил Турецкий.

– Так вот, убиенный был его руководителем.

– Черт возьми! – воскликнул Турецкий, привыкший к тому, что случайно таких совпадений не бывает.

– И еще, – многозначительно добавил заместитель генерального прокурора. – Знаешь, кем он приходился мэру?

– Понятия не имею, – честно признался Александр Борисович.

– Другом, – пояснил Меркулов. – А кто такой друг мэра рассказать?

– Не надо. Я знаю. Когда мэр к нему едет попить чайку, перекрывают движение по всему Ленинскому проспекту, – вспомнив вынужденное ожидание, пока прокатит кортеж, язвительно уточнил Турецкий.

– Это дело надо раскрыть.

– Может, подскажешь, которые раскрывать не следует? С кем я его раскрою? Сам бегать, увы, только на факультативной основе. Исключительно для поддержания тела в норме. «Глория»? Так она уже сколько себе в убыток на нас пашет. Пора бы и совесть знать. А с этими Ямпишевым с Сухоглинкиным можно только в преферанс на деньги играть спокойно.

– Ладно, хватит ворчать. Поезжай, посмотри опытным глазом. Пока следствие в руках ГУВД. Однако, если сочтешь нужным, забирай дело, – приказал Меркулов.

– Знаешь, может, это и противоречит моим моральным принципам, но, заглядывая в будущее, не вижу иного выхода. Ставь мэра раком! – произнес, назначая цену, Турецкий. – Три двухкомнатные!

Он мельком бросил взгляд в зеркало. Провел рукой по подбородку, решая, насколько необходимо бритье, и, поняв, что не до этого, отправился в комнату одеваться.

Ирина, услышав шуршание, приоткрыла один глаз. Турецкий махнул рукой, и жена мгновенно отключилась. За четырнадцать лет жизни с этим человеком она научилась безошибочно определять степень опасности ночного вызова. На этот раз опасаться было нечего. Ну разве вернется навеселе или уставший как собака.

Турецкий, по старой привычке проигнорировав лифт, сбежал по лестнице вниз. Сел в поджидавший его автомобиль. Водитель уже знал маршрут. Поэтому без лишних объяснений служебная «Волга» полетела в сторону Ленинского проспекта.

Предупрежденные о посещении места трагедии помощником генерального прокурора, оперативные работники терпеливо ждали. Через девять минут Турецкий был на месте. Он вышел из автомобиля и, не желая производить лишнего шума среди ночи, бесшумно прикрыл дверцу. Подошел к натянутому строительному скотчу. Поглядел на липкую сторону, уже обработанную криминалистом. Там явно пропечатывались множественные отпечатки. Затем перешагнул канаву и, с ходу вычислив опера, направился к нему.

– Государственный советник юстиции третьего класса Турецкий, – представился он, показывая раскрытое удостоверение.

– Майор Скрипка. Московский уголовный розыск, – отрапортовал сыщик.

– Ну, рассказывайте, что нарыли? – произнес Турецкий, разглядывая очерченный мелом контур на асфальте.

– Теоретически есть два свидетеля. Бабуля, видевшая трагедию по черно-белому монитору. Запись видеонаблюдения, к сожалению, не ведется. И личный водитель академика. Но тот вскоре после трагедии, оказав помощь Жбановскому, исчез.

– В смысле помог умереть? – Турецкий вопросительно поднял брови.

– Виноват. Выразился некорректно. Попытался оказать, перебинтовав горло. Затем вскочил в автомобиль и быстро уехал.

– Ищут?

– Объявлен план «Перехват». К его месту жительства выехал наряд. Пока безрезультатно.

– Что говорит вахтерша? – задал вопрос Турецкий, присаживаясь над бурыми пятнами запекшейся крови.

– Она показала, что подошли двое. Задали вопрос и, когда академик задумался над ответом, нанесли удар ножом, – попытался доходчиво разъяснить картину преступления следователь.

– Оба одновременно нанесли удар? – опять машинально подметил Турецкий неточность изложения мыслей.

– Никак нет. Один полоснул по горлу, другой подхватил чемоданчик. Может быть, еще прошлись бы по карманам, но водитель поднял шум. Криминалист сделал вывод, что удар нанесен острым режущим предметом наподобие скальпеля человеком ниже академика. А Жбановский был метр семьдесят три. Плюс-минус три сантиметра в росте определить на глазок невозможно. Значит, меньше метра семидесяти. Канаву вырыли к вечеру. Тогда же появились ограждения. Утром выясним, проводились ли плановые работы, и, может, кое-что прояснится. Собака след потеряла сразу за домом.

– Семья как?

– Жену увезла «неотложка». Дети с ними не живут.

– Еще какие-нибудь странности, неясности есть?

– Судмедэксперт пораился размеру и форме пореза. Для нанесения подобного необходимо голову жертвы запрокинуть практически назад. Подобную практику изучают в спецшколах. Один, нападая со спины, хватая за волосы, другой наносит удар ножом. Но с его черепом это невозможно.

Турецкий покинул место происшествия. Отправился домой. Упал на диван и до половины седьмого проспал завидным сном младенца.

Александр Борисович давно выработал привычку по дороге на службу составлять план действий на первую половину дня. Вторая, как показывал многолетний опыт, планированию не подлежала. Иногда обстоятельства с утра могли вырвать из-за рабочего стола, а бумажный ком продолжал жить по своим законам, разрастаясь и грозя раздавить. И тогда словно ангелы хранители являлись такие же одуревшие сослуживцы и возникала заветная бутылочка. Сквозь узкое горлышко которой проблемы казались не такими глобальными.

Сегодня он даже и не пытался представить, чем будет заниматься. Заскочив в кабинет, обнаружил там одиноко сидящего Ямпишева. Увидев начальство, тот соскочил со стула и бросился навстречу, протягивая руку.

– А где второй? – спросил Турецкий, пожимая ее.

– Не знаю. Он же не мой подчиненный, – как-то слишком радостно ответил стажер.

Даже искренне радостно, словно испытывая удовольствие от того, что доля иметь такого подчиненного выпала не ему. Турецкий прочувствовал ситуацию мгновенно. И задал вопрос:

– С Сухоглинкиным давно знаком?

– Года два, – ответил Ямпишев.

- И сколько обычно времени он выходит из запоя? – задал второй вопрос начальник.
- Две недели, – удивленно ответил стажер. – А как вы узнали?

«Молодец. Вот и вторая подсказка. Значит, никогда не сообщает начальству о своих загулах», – отметил Турецкий про себя, произнеся вслух:

- И насколько же волосата у него лапа?

Ямпишев совсем растерялся. Было видно, что он не знает, как поступить. С одной стороны, ему не хотелось выглядеть в глазах начальства кем-то вроде информатора. С другой – озадачивало владение информацией. Его предупреждали, что Турецкий не просто следователь, а чуть ли не гений сыска. И вопросы просто могли быть проверкой на лояльность. Видя нерешительность, Александр Борисович добавил:

– Да ладно, все выяснить можно за пару часов. Будь любезен, сэкономь мне немного времени и нервов.

- Он приходится младшим братом жене брата Казанского, – выпалил Ямпишев.

– Ого! – изумился Турецкий. – Тогда, если не сопьется, карьеру сделает. Не скучаешь?

– Нет. Я привык, – ответил молодой человек, провожая взглядом летающую по кабинету муху.

- Это где же вырабатывают такие привычки? – Турецкому стало любопытно.

– В ментовке. На дежурстве сидишь сутками. Выспишься, начитаешься, ничего делать не хочется. Я же имею опыт оперативной работы. Кое-что повидал.

- А почему ушел? – заинтересовался помощник генерального прокурора.

– Не нравятся люди. Быстро меняются. Завидуют, ищут, где бы урвать. Пригласил друга в гости. Так тот первым делом обвел взглядом обстановку и произнес: «Интересно, на какие шиши?» И тут же настрочил донос в службу собственной безопасности. А я, может, во внерабочее время бомбил на своем стареньком «мерседесе»!

- «Может или бомбил?» – отметил про себя Турецкий.

– Но главное, – продолжал стажер, – масштабность задач. Я чувствую, что перерос дела о том, как забуддыга украл у собутыльника электробритву.

– В самом деле? Это ведь стопроцентный «висяк»! – подзадорил Александр Борисович, желая как можно больше раскрыть собеседника.

– В прошлом году, под октябрьские праздники, у нас в районе один написал заявление. Объяснил, что пьянствовал с тремя такими же. Наутро электробритва исчезла. Я через день их обошел. У двоих щетина, а третий выбрит, как огурчик. Его на пушку и взял. У нас тогда маньяк объявился. О нем только и разговоров было. Ну я и говорю: «Ориентировочка на душегуба поступила. Ты по всем приметам подходишь. И главное: бреется „Харьковом“». Посмотрел для театральности на его щеки и подбородок через лупу и заявляю: „Точно. Бритва „Харьков“». Тот как взъерепенится: „Пойдем покажу, чем брил“. И предъявляет ворованный „Орск“. Я к заявителю. «Моя!» Самое интересное, что бритву-то стырил другой, а продал за стакан третьему.

– Ладно, я к Константину Дмитриевичу. Ты жди. Вернусь, поедешь по делу, – произнес Турецкий, покидая кабинет.

В приемной Меркулова уже сидело человек восемь. Увидев Александра Борисовича, Клавдия Сергеевна немедленно встала. Не удосужив взглядом, молча за-скочила в кабинет заместителя генерального прокурора. Турецкий вытащил из-за спины розу. Воткнул ее в пустовавшую вазу. Оглядев посетителей и не встретив среди них знакомых лиц, пояснил:

– Она сегодня стала бабушкой! Только прошу не акцентировать на этом внимание. Все же женщина.

Клавдия тихо вышла и показала жестом, что можно войти. Турецкий проследовал в кабинет. Сел в кресло. Протянув руку, взял со стола сигарету и начал ее вертеть в пальцах. Затем произнес:

– Знаешь, Константин, скажу что думаю. Дело чистый «висяк». Даже если ты меня от всех забот освободишь, не вытяну.

– У тебя два молодых кадра, – Меркулов жестом отсек попытку возражений. – Если грамотно ставить задачу, то даже идиот ее способен выполнить.

– Один, – уточнил Турецкий.

– Ну если будешь продолжать такими же темпами, их совсем не останется.

– Уже? – подняв брови, спросил Турецкий.

– Уже, – подтвердил Меркулов, протягивая лист бумаги.

Турецкий пробежался по нему глазами, не пытаясь скрыть кривой улыбки, против воли появившейся на лице. В рапорте начальника Следственного управления по расследованию особо важных дел Казанского подробно описывалось, как помощник генерального прокурора занимается целенаправленным спаиванием подчиненного личного состава.

– Что будешь делать? – поинтересовался Турецкий.

– Гнать, – коротко ответил Меркулов. – Ладно, давай что-нибудь конструктивное.

– В общем, так: или дело имеет три – пять шансов из ста быть раскрытым или, при условии, что мне дадут тех ребят, девяносто – девяносто пять.

– А стопроцентную гарантию не даешь? – спросил Меркулов.

– Ты же знаешь, где ее дают. Но нам туда пока рановато, – констатировал Александр.

– Свяжись с МУРом. Что-то часто стали убивать ученых. Пусть сделают выборку и опера толкового выделяют.

– Хорошо. Для начала надо водителя разыскать. А ты уж, Костя, постарайся. Сам понимаешь. Нет времени.

– Ладно. Сегодня буду беседовать с мэром. Попробую раскрутить на специальный президентский фонд. А ты давай, все дела в сторону. И пока следы не остыли, пускай по ним хоть того, кто остался.

Турецкий вышел. Стол секретарши оказался завален шоколадом. В вазе кроме розы стояло еще несколько цветков. Клавдия Сергеевна растерянно поглядела на Турецкого. Он в ответ пожал плечами.

Вернувшись к своему кабинету, услышал, как надывается телефонный аппарат. Заскочив, успел поднять трубку:

– Слушаю. Турецкий.

– Рассылай телеграммы, – раздался бодрый голос Меркулова. – Приказ уже подписан. Но с одним небольшим условием. Раскроешь дело – они получают по квартире. Шантажист хренов!

Ямпишев сидел в той же позе. При этом взгляд его не был мечтательно устремлен вдаль, а поверхностно бегал с предмета на предмет.

– Давно звонит? – кивнул на аппарат Турецкий.

– Как вышли, почти не замолкал, – ответил, встрепенувшись, Ямпишев. – А если надо отвечать, так скажите что.

– Да ладно. Все нормально. Заскочишь в секретариат. Возьмешь справку, что ты стажер Следственного управления Генеральной прокуратуры. Обрати внимание, чтоб там была гербовая печать и подпись Казанского. Затем на Ленинский проспект. Там сейчас работают сыщики с Петровки. Дело это наше. Будешь курировать. Однако пальцы гнуть не надо. Ребята опытные. Поможешь чем сможешь, но и на голову сесть не позволяй.

– Понял.

– Если предложат перетряхнуть мусорный контейнер или сбегать за пивом, что выберешь?

– Засучу рукава и займусь контейнером, – попытался угадать стажер.

– Ответ неверный, – вздохнул Турецкий.

Когда на отдаленных пустырях близ новостроек начиналось массовое строительство гаражей, даже и не предполагалось, что из этого получится. Главные функции, которые ставились: защита автомобиля, покупаемого на всю жизнь, и хранение картофеля – постепенно отступили на второй план. Гаражи послужили аналогом западных, или американских, клубов. Пропахшие горючесмазочными материалами, захламленные разнообразным железом, с вечными разговорами о ремонте и жизни, они внезапно оказались тем заповедником, который женщины невзлюбили всем своим нутром. Гаражи стали единственным убежищем от материальных проблем, семейных неурядиц, квартирного вопроса, так портившего москвичей.

Однако это место имело и обратную сторону. Попадая случайно, из них трудно выбраться. Точнее, человек становился обречен.

Начальник следственного управления Казанский своим личным автомобилем пользовался исключительно редко. Служебная «Волга» эксплуатировалась не только им лично, но и всей семьей. Однако такая постановка вопроса имела и некоторые негативные стороны. Он отправил жену на дачу, а у самого неожиданно возникла потребность съездить на другой конец Москвы.

Вернувшись, поставил автомобиль в гараж и, едва захлопнув дверь, обнаружил рядом с собой Петровича.

Петрович давно ушел из дома. Свой гараж он разделил на две половины. Женскую – для старенькой вареной-перевареной «тройки» и мужскую – для себя. Там поместился диванчик, стол с тисками, радиоприемник, чайник, электроплита. Все свободное время он носился по соседям и принимал деятельное участие в ремонтно-восстановительных работах, никогда не отказываясь от последующих возлияний.

– Здорово, – произнес он, словно расстались вчера.

– Здравствуй, Петрович, как дела? – погрустнел Казанский.

– Ну ты как басурманин. Не выпил, не поговорил – уже о делах.

– Говоришь, как будто предлагаешь, – подколол его Казанский, зная, что Петровича раскрутить на выпивку просто невозможно.

– Для тебя! – Петрович извлек зеленую бутылку текилы.

– Ого! – искренне изумился Казанский. – Наверняка что-нибудь произошло.

– Пойдем ко мне, – произнес Петрович, пряча сокровище в полиэтиленовый пакет и оглядываясь.

Пока дошли до гаража Петровича, обросли небольшой толпой. Однако старожил не стал делить народ на халявщиков и нужных людей. Быстро соорудил из извлеченной на свет божий столешницы поляну. Моментально появилась немудреная закуска. Начали с текилы. Заканчивали всяческой дрянью. Явно паленой водкой и самогоном из бутылки, старательно заткнутой пробкой из свернутой газеты. Казанский, быстро понявший, что это не для его желудка, спросил:

– Петрович, у тебя, кажется, было ко мне дело?

– Да ладно, не парься, – махнул рукой захмелевший обитатель гаражей. – Ты со мной посидел. Уважил. Больше ничего и не нужно.

– Петрович, у тебя была проблема. Мужик ты правильный. Я хочу тебе помочь, – настаивал Казанский.

– Да фигня. Не стоит из-за нее ломать копья. Как-нибудь переживу. Я же понимаю. Ты занимаешься большими делами, а здесь мелочовка, – заплетающимся языком произнес Петрович.

– Знаешь, надоел ты мне со своими предисловиями! Рассказывай, а то пить не буду, – стукнул кулаком по столу Казанский.

– Ну иду я вчера с рулоном линолеума...

– Да откуда у тебя линолеум? – воскликнул один из собутыльников.

– Ясный хрен, спер, – высказал предположение другой.

– Цыц. – Петрович поднял палец. – А то ничего рассказывать не буду. Иду, значит, с рулоном хринолеума. Причем не своим. Попросили. Ну, не важно. Прохожу мимо кафешки «Лола». Знаешь, держит ее азик Саид. У него белая «бешка», в третьем ряду. Смотрю: сидят Иваныч, Кондратич и Жорка. Пивко посасывают. Третий стул свободен, словно меня ждет.

– Если трое сидят, то четвертый стул свободен! – поправил Казанский.

– А это смотря откуда считать. Ну я и подсел. Погудели хорошо. Про рулон утром только вспомнил. Проснулся в холодном поту. Аж обожгло. И вдруг вспомнил. Прибежал к пивнушке. Его нет.

– В милицию обращался? – спросил Казанский.

– Их дело принять заявление и составить протокол. На такую мелочовку пару не хватает. Но самое обидное, что и искать не надо. Только слегка прижучить. Официантка Марьяна знает, стерва, но молчит. Она же после нас закрывала кафе самолично.

– Ладно. Что-нибудь придумаем, – произнес неопределенно Казанский.

– Выручишь, до гроба благодарен буду.

– Да ладно. Маслице поменяешь, и на том спасибо! – похлопал его по плечу раздобревший прокурорский начальник.

Ямпишев, получив в секретариате временное удостоверение стажера, постучал в дверь.

– Войдите, – раздался строгий голос.

Стажер приоткрыл щель и сквозь нее протиснулся. Видя, что Казанский не в настроении, произнес:

– Здравствуйте.

– А, это ты? Заходи. Чего надо?

– Ваша подпись на удостоверении. Без нее печать не ставят.

Казанский ухмыльнулся. Взял документ. Внимательно изучил его. Сверил фотографию с оригиналом. И наконец поставил свою сильно накрученную красивую роспись. Злые языки поговаривали, что это единственное, что он умеет делать хорошо. Возвращая документ, Казанский поманил Ямпишева и произнес:

– Поздравляю. Отныне вы полномочный представитель Генеральной прокуратуры. С честью и достоинством несите это высокое звание. Запомните: прокуратура не занимается чепухой. Если поручается дело, с виду незначительное, оно может быть частью раскрытия серьезного преступления. Короче, в нашем деле мелочей не бывает. Или так: из раскрытия множества таких мелочей и состоит оперативная работа.

– Понял, – кивнул проникшийся торжественностью момента Ямпишев.

– Тогда так. Есть одно задание. Докладывать о нем Турецкому совсем не обязательно. Дуй на Василькова, семнадцать. Кафе «Лола». Держит его некий Саид. Но он, кажется, ни при чем. Позавчера вечером некий гражданин Петрович, фамилию не помню, но там знают его все, в компании пил пиво. После ушел, оставив рулон линолеума. Обслуживала и закрывала кафе официантка Марьяна. Ее надо расколоть. Наверняка знает, кто взял, но молчит.

Ямпишев, обрадовавшись возможности приложить свои способности, собрался и ускорился.

Подъехав к «Лоле», внимательно осмотрелся. Обошел несколько раз, словно изучая возможные пути отступления. На окнах стояли решетки. Оврагов и кустов поблизости не наблюдалось. Стажер толкнул дверь.

За стойкой находилась молодая смуглая женщина с огромными темными глазами. Он подошел и, заказав пива, спросил:

– Девушка, а чем вы занимаетесь вечером?

Ответа не последовало.

– Понимаю. Работаете. А после работы? – продолжил домогательства молодой человек. Молчание.

– Ну да! Отдыхаете, – догадался он. – А как вас звать? Может, Марьяна? – нервно спросил Ямпишев, которого начало доставать это упорное игнорирование.

После того как не дождался ответа на этот вопрос, он допил пиво. Подошел к стойке и, с трудом раскрыв новенькое хрустящее удостоверение, произнес:

– Генеральная прокуратура. Следователь Ямпишев. Могу я поговорить с гражданкой Марьяной?

– Лейла! – наконец закричала девушка, широко раскрыв глаза и доказывая, что она все же не немая.

В зал воинственно вошла полная восточная женщина с огромным свисающим носом. Она уперлась руками в крутые бедра и надменно спросила:

– Чего надо?

– Он говорить хочет!

– Ты кто? – спросила она, поворачиваясь к следователю.

– А кто, собственно, ты? – вопросом на вопрос ответил стажер.

– Я? Жена хозяина кафе! – прозвучало в ответ, словно жена хозяина кафе – ступень иерархии, следующая за женой императора.

– А я – вот.

Ямпишеву вновь пришлось раскрыть удостоверение. Он протянул его почти к самому носу. Глаза женщины пробежали по буквам. Неожиданно она побледнела и, схватившись за сердце, рухнула на пол. Вторая бросилась к ней. Потом назад. Нацедила стакан воды и принялась вливать в рот. Следователь, вырвав у нее стакан, произнес:

– Ты что, рехнулась? Хочешь, чтобы она захлебнулась?

Теперь уже вторая, схватившись за сердце, прислонилась к стене. Видя, что упавшая в сознание не приходит, Ямпишев произнес:

– Вы не волнуйтесь. Я не по поводу дел вашего мужа.

Неожиданно лежавшая открыла глаза. Посмотрела на Ямпишева и снова закрыла.

– Мне нужна Марьяна! – уточнил он.

– Правда? – встрепенулась Лейла, оживая и приподнимаясь.

– Правда. Мне необходимо задать ей несколько вопросов, и все.

– Тогда спрашивайте. Она – Марьяна, – указала пальцем на замершую девушку жена хозяина.

– Уже спрашивал, – занервничал следователь. – Не отвечает.

– Она языка не понимает. Вы спрашивайте, а я переводить буду, – предложила женщина.

– Извините, а она кто по национальности? – зачем-то полюбопытствовал Ямпишев.

– Молдаванка.

– И вы тоже?

– Нет. Я из Азербайджана, – ответила, пожав плечами, Лейла.

– Так вы знаете молдавский? – догадался следователь.

– Нет, – удивилась Лейла такому бредовому предположению.

– Значит, она знает азербайджанский? – сделал он единственно возможный вывод.

– Да нет же! Я буду переводить с русского на русский, – как маленькому разъяснила женщина.

– Не понял, – произнес Ямпишев.

– Она знает немного слов. А я знаю слова, которые она знает. Например, вы спросите: «Мучит ли вас жажда?» – она не поймет. А я переведу: «Ты хочешь пить?» Понял?

– Дошло, – вздохнул любивший порядок и ясность мыслей сыщик.

– Документы пусть предъявит, – обратился он к азербайджанке.

– Паспорт давай! – перевела она.

Марьяна убежала. Затем вернулась. Ямпишев, привычно бросив взгляд на фотографию, изучил прописку и начал рассматривать мятую бумажку с липовой временной регистрацией. Он уже устал от женских истерик и решил поскорей закончить это дело. Для достижения результата в максимально короткий срок не существует более короткого пути, чем жесткое давление. Впрочем, других методов дознания он все равно не знал. Теряясь, к кому обращаться, произнес, постоянно поворачивая голову:

– Гражданка Далмачану, мы знаем все. Будете отпираться – поговорим в другом месте, другим тоном и с применением спецсредств, но это будет совсем другая статья, где вы из свидетельницы переходите в разряд обвиняемой.

– Колись. Дело шьет, верняк, – произнесла Лейла.

Ямпишев, опешив от такого перевода, с удивлением посмотрел на жену хозяина. Жирная, падающая по пустякам в обморок восточная женщина владела жаргоном. Молдаванка расплакалась и произнесла:

– Да? За какой-то сраный рулон готовы человеку жизнь сломать.

– Ого! – констатировал Ямпишев. – Да у вас словарный запас не такой и маленький.

– Спрашивайте, – сказала восточная женщина.

– Кто взял? – задал вопрос следователь.

– Кто взял? – перевела Лейла.

– Пьянчужка один. Лариком зовут.

– И где он сейчас?

– Где он сейчас?

– Ты повторяешься! – крикнул раздраженный попугайским переводом Ямпишев.

– Это тебе кажется, что повторяюсь. А на самом деле я произношу то же самое, но медленно, – объяснила переводчица.

– Не знаю. Он редко появляется, – Марьяна расплакалась.

Ямпишев молча достал листок бумаги и начал каллиграфическим почерком выводить: «Постановление об аресте». Затем придвинул к себе паспорт и стал вписывать данные, между прочим бормоча:

– Теперь тебя осудят. И правильно сделают. За такую мелочь условно. На два года. Вышлют из страны. Внесут в банк данных. В паспорт отметку вляпают. Мало того, на родине, в Молдавии, тоже проставят штампик во все документы. Существует договоренность. И не видать тебе больше до конца дней ни России, ни любой другой страны.

– Колись до конца! – предложила Лейла.

– Там в подсобке стоит. Ларик попросил присмотреть, пока он не найдет, куда толкнуть, – произнесла Марьяна.

– Ну и что теперь с тобой делать? – машинально спросил Ямпишев.

– Трахнуться надо, – неожиданно перевела Лейла и, повернувшись, вышла.

Марьяна, словно обрадовавшись, что так легко отделалась, начала раздеваться...

На следующий день Ямпишев на службу не вышел. Позвонили из приемного отделения Центрального госпиталя МВД и проинформировали, что он с сильнейшей гонореей, сопровождаемой температурой и обильными выделениями, положен в инфекционное отделение.

Марьяна уволилась и исчезла. Однако это не спасло заведение. Оно было закрыто и опечатано. А на следующий день там работала санэпидемстанция.

Часть вторая

Глава 1

Москва слезам не верит

Едва Турецкий зашел к себе в кабинет, как раздался телефонный звонок. Он снял трубку.

– Турецкий. Слушаю.

– Александр Борисович? – уточнил женский голос.

– Да, – ответил заинтригованный Турецкий.

– Подождите минутку. С вами хочет поговорить Вячеслав Иванович.

Турецкий знал только одного Вячеслава Ивановича, начальника МУРа. Но голос принадлежал явно не секретарше Грязнова. Тем не менее это оказался именно он.

– Аллю, Сань, привет.

– Здорово. Слав, у тебя новая наложница? – спросил Турецкий.

– Да нет. Людмила Ивановна в отпуске, – серьезно ответил начальник МУРа. – Зиночка ее замещает.

– Слушай, Слава, у меня накопился ряд вопросов. Я к тебе заскочу? – произнес Турецкий.

– Лучше встретимся на нейтральной территории, – предложил Грязнов.

– Славка, я же тебя знаю как облупленного. Знаешь, что мне помощница нужна, и боишься, что уведу?

– У тебя одно в голове, – засмеялся Грязнов. – Ты думаешь, зачем я звоню?

– Быть может, хочешь пригласить меня на ужин? – предположил Турецкий.

– Хочу, но не могу. Проблемы со временем, – вздохнул Грязнов. – Так как ты отнесешься тому, чтобы встретиться, скажем, на кладбище?

– Звучит заманчиво. Времени там будет достаточно, – протянул Турецкий. – Надеюсь, это не намек на соседние участки?

– Конечно нет. Даже если тебя похоронят позже и на моем кладбище, то я предусмотрительно оставлю в завещании пункт о перезахоронении.

– Чего так? – слегка обиделся Турецкий.

– Другого способа достижения вечного покоя не вижу, – объяснил Грязнов, добавляя уже серьезным тоном: – Через пятнадцать минут мой «мерин» у подъезда. На Ваганьковское, и через полчаса обратно.

Турецкий посмотрел на часы и начал прибирать бумаги в сейф. Затем спустился к проходной. Точно в назначенное время рядом с ним затормозил черный «мерседес» с голубыми номерами и приоткрылась задняя дверца. Турецкий сел. Автомобиль бесшумно покатиł дальше.

Одним из главных достоинств транспортного средства начальника МУРа была возможность позволить владельцу роскошь пунктуальности. Он прибывал в любое место точно в оговоренное время. И никакие пробки не могли стать серьезной помехой. Водитель, отгороженный пластиковой перегородкой, даже не включал мигалку. Шикарные автомобили крайнего левого ряда сами перестраивались вправо, едва увидев в зеркало заднего вида оскаленную морду «мерина» с магическим номером. Лишь изредка ему приходилось пользоваться звуковым сигналом. При этом раздавались утробные низкие звуки, заставлявшие непонятливых быстро менять траекторию.

Турецкий пожал руку Грязнову, произнеся:

– Ну-к, Слава, повернись.

– А что такое? – заинтересовался, поворачивая голову, Грязнов.

– Хочу запечатлеть в памяти апельсиновый цвет твоих волос, – ответил Турецкий. – А то боюсь, когда в следующий раз доведется встретиться, и этой узкой полоски на затылке не останется.

– Слушай, Саня, а ты давно проходил диспансеризацию? – задал вопрос Грязнов, в свою очередь внимательно осмотрев старого приятеля.

– Ну лет десять назад, когда выписывался после этого, – задумчиво произнес Турецкий, проведя пальцем по животу. – А что?

– Сходи к эндокринологу. Не нравится мне твой гормональный фон. Все как люди: стареют, седеют, облетают, а ты законсервировался на тридцати трех.

– Как говорит Конфуций: «Человеку столько лет, на сколько он выглядит. А выглядит на столько, насколько себя чувствует», – процитировал Турецкий.

– Говорил! Конфуций говорил, – уточнил старый оперативник.

– А по этому поводу есть другая цитата: «Все умерли, кроме тех, кто жив, и тех, о ком помнят», – вернулся к теме Александр Борисович. Затем добавил серьезнее: – Ладно, я думаю, мы встретились совсем не для того, чтобы вести беседы на тему классической китайской философии?

Начальник МУРа отодвинулся. Положил на колени «дипломат». Раскрыв его, вынул пачку фотографий и принялся раскладывать на крышке, комментируя:

– Профессор-историк Марат Капустинский, убит в феврале этого года в собственной квартире. Огнестрельное ранение в голову. Раритеты не похищены. О трагедии узнали через две недели благодаря тому, что почтовый ящик, переполнившись под тяжестью корреспонденции, обвалился. Член-корреспондент РАН Антон Мозговой, литературовед. Исчез при невыясненных обстоятельствах в марте. Ректор института квантовой физики Эрнест Карзо выбросился из окна, оставив напечатанную на принтере записку. При том, что, по странной прихоти, ученый принципиально не пользовался компьютером. Это тоже март. Апрель без происшествий. Май. Профессор Волобуев, биохимик, застрелен в лифте собственного дома. И это, заметь, только по текущему году, – констатировал, подняв одну из бесцветных бровей, Грязнов.

– Вчера тебе доложили, что Жбановским занялся Турецкий?

– Именно. Мои ищейки практически ничего нарыть не смогли. Однако если связь имеется, то пища твоему могучему мозгу будет, – произнес Грязнов.

– Да. Чувствую, мне уготована такая роль паука, сидящего в центре и дергающего ниточки. В общем, Слава, давай все материалы. Еще нужен опер, такой, чтобы я давал задания типа: найти водителя Жбановского и не слышал ответа: «Мало людей, много больниц. Ищу бегая».

– Ладно. Володя подойдет? Он полностью включиться в дело не сможет, завален своими делами, но все твои желания будет исполнять, словно джинн. Кокушкина уже, кстати, сыскали. Пятьдесят вторая больница. Естественно, травматологическое отделение, – выходя из автомобиля, произнес Грязнов. – А если что, думаю, ты не постесняешься меня потрепать лично. Ну ладно, пойду отдам долг памяти.

– Да, что-то зачастили мы в такие места, – оглядывая стоянку, сказал Турецкий.

– Долго живем, – прозвучал глубокомысленный ответ.

– Кто-нибудь близкий?

– Начальник отдела в министерстве, – сделав неопределенный жест рукой, произнес Грязнов. – Обязанность по протоколу. Минут на двадцать. Где тебя найти?

– Тогда я по своему треугольнику. Встретимся у Александры, – произнес Турецкий.

Бывшая начальница МУРа Александра Ивановна Романова покоилась в дальнем углу этого странного кладбища, давно ставшего своеобразным культурно-развлекательным цен-

тром. Турецкий обычно некоторое время стоял у Володи Высоцкого, затем проходил к могиле Есенина и завершал у скромного памятника боевой подруги.

Через полчаса к нему присоединился Грязнов.

– Неудобно как-то без цветов, – произнес Турецкий, заранее зная, что сейчас начальник МУРа выкинет коронный номер, которому научил его один из старых зеков.

И точно. В руках у Грязнова словно из воздуха появились четыре гвоздики. Он положил их и произнес:

– Не стыдно?

– Конечно, неплохо получилось, – кивнул головой Турецкий, – надо было тормознуть у палатки.

– Я не о том. Признайся, ты ведь никогда не читал Конфуция?

– И даже не знаком с его миропониманием!

Владимир Поремский знал, что Александр Борисович Турецкий способен на многое. И если обещал, то обязательно пробьет все преграды и переведет его в столицу. Он даже начал помаленьку готовиться, отлично понимая, насколько инерционна бюрократическая система. Реально можно было рассчитывать на полгода. Поэтому Владимир слегка опешил, когда его вызвал прокурор области и, недовольно вручив командировочное удостоверение, велел в течение суток прибыть в распоряжение помощника генерального прокурора Турецкого.

Поремский отложил все дела. Быстро собрался и, приехав на вокзал, вскочил в первый попавшийся поезд до Москвы. Состав прибыл на Курский под вечер. Володя со спортивной сумкой на широком плече, отливая соломенными волосами и лучезарно улыбаясь, вышел на привокзальную площадь. Сразу бросились в глаза десятки старушек с плакатами «сдам квартиру», «сдам комнату». Это воодушевило. Значит, в этом городе есть где переночевать.

Обычно он останавливался у старого училищного друга. Но у того в одном месте торчало вечное шило, и его постоянно тянуло на подвиги, которые в мирное время иначе как под статью «мелкое хулиганство» не подходили. Последний раз благое намерение попить пива в «Жигулях» кончилось в пятом отделении милиции на Арбате. Поремский тщетно пытался вызволить своего друга, размахивая корочками. А Мовчан в это время предпринимал неудачные попытки повеситься на своем шарфике.

Сейчас приключения в планы совсем не входили. Володя поехал по гостиницам. Причем не по самым шикарным. Везде предлагалось два варианта: либо мест не было совсем, либо апартаменты за немыслимые деньги. И тут вспомнились старушки на вокзале.

Тогда Поремский не знал, что сдача комнат на ночь – это часть публичного бизнеса. Проститутки, как правило, покупались на Ярославке, Ленинградке, Тверской либо вообще чуть не на Красной площади. Затем, если не было подходящего места, на Курском снималась квартира на ночь.

Владимир, погуляв по ночной Москве, вернулся на Земляной Вал и, подойдя к одной из старушек, спросил:

– Сколько стоит квартира?

– На час, два, ночь? – начала уточнять запросы клиента старушка. – Ночь – пятьсот рублей.

– Пока на сутки, – ответил удивленный молодой человек.

– Тогда подходи через десять минут.

Пройдясь и оценив предложения, он вернулся к прежней бабушке. Рядом с ней толкался не внушающий доверия кавказец.

– Вот. Это к нему, – проскрипела пожилая женщина.

– В центре Москвы. Все удобства. Триста рублей в сутки, – назначил цену горец. – Деньги вперед.

Сели в метро и через три остановки оказались на Арбате. По пути джигит ненавязчиво поинтересовался о цели визита в столицу, роде деятельности, материальном достатке. Поремский, естественно, не стал перед каждым встречным раскрывать карты. А зря. На этот раз стоило бы.

Володя закрыл за кавказцем дверь и огляделся. Эта была обыкновенная обшарпанная однокомнатная квартира в типовой девятиэтажке, затерявшейся в арбатских переулках. Поремский разделся. Принял душ. Вытерся и вышел в комнату. Двухспальная кровать оказалась застелена свежевystиранными накрахмаленными простынями. Володя с удовольствием растянулся на них, не включая свет, задремал.

Тихо щелкнул замок. В коридор вошли двое и устроили небольшую возню. Володя, решив, что вернулась хозяйка, не желая в таком виде представать перед посторонним человеком, натягивая спортивные брюки, произнес:

– Эй, кто там?

В ответ послышался грохот, испуганный возглас и топот по лестнице. Поремский выскочил. Полки в коридоре были пусты. Исчезла одежда и сумка с самым необходимым. Владимир долго не рассуждал. Он выскочил на лестничную площадку. Сбежал вниз. Выскочил из подъезда.

Сумка в руках у молодого мужчины, мелькнув, скрылась за углом соседнего дома. Володя кинулся наперерез. Вскоре увидел пробежавшего с его вещами человека. Кинулся следом. Несмотря на босые ноги, без труда догнал и сбил. Тот кубарем покатился по дорожке. Стукнув для профилактики пяткой в нос, забрал сумку. Расстегнул. Убедился, что потайной карман с документами и деньгами не тронут.

Неожиданно позади раздался скрип тормозов. Остановились сине-белые «Жигули». Из них выскочили четверо здоровенных парней с автоматами. Водитель остался на месте. Поремский сильно удивился, представив, как они могли там поместиться. Один из них, тыкая в Володю стволом, заорал:

– На землю! Сумку в сторону!

– Слышь, мужик, я ведь голый, – дружелюбно улыбаясь, произнес Поремский. – Грязно. Можно постою?

– Молчать, гнида! Быстро лег! – прозвучал ответ.

– Я следова... – договорить Поремский не успел, получив удар прикладом автомата в скулу.

Владимир потерял сознание и упал. В себя пришел уже в «обезьяннике». От сильной трясучки. Оказалось, что источником ее был он сам. Тело, лежавшее на металлическом полу, било крупная дрожь. Оно представляло сплошной синяк, слегка подкрашенный многочисленными царапинами и ссадинами. Из одежды на нем были перепачканные кровью и грязью тренировочные штаны. Нижняя часть лица распухла. Со стоном поднялся. Брезгливо оглядел грязный пол, составленный из железных плиток, блестевших в области скамейки. На ней сидел бомж, распространявший острый речечный запах. На другом конце прилично одетый мужчина в очках читал книгу. Поремский снизу прочел имя автора: «Борхес». Интеллигент. Интересно, он-то в чем провинился? Перехватив взгляд Поремского, очкарик постарался уйти в книгу поглубже. Вора, естественно, не было.

За столом, листая журнал с красочными картинками, зевал красномордый сержант. Володя, испытав нечто похожее на дежавю, узнал его сразу. Оглядев обстановку, пришел к выводу, что он в знакомом пятом отделении. Подошел к решетке и произнес:

– Сержант, пригласи дежурного по отделению.

– Очухался? – не сильно обрадовался милиционер. – Ну давай протокол составлять будем.

– Какой протокол? – удивился Поремский.

– Устанавливать личность, род занятий, прописан где?

– Я сегодня в Москву приехал, – начал было разъяснять Владимир, но его взгляд скользнул по дебильному лицу. – А о роде занятий я с начальством твоим буду разговаривать. Развели тут непонятно что. Давай сюда дежурного офицера! И вообще, без адвоката ни слова. На каком основании меня задержали? А это что? Завтра придется день терять – следы от ваших побоев снимать.

– Не придется. Ты у нас надолго. Побился сам, пока довели в бессознательном состоянии. А адвоката хочешь? Иди сюда, что скажу.

Красномордый сержант поднялся. Подошел, дохнув перегаром, и неожиданно резко ударил Поремского по голове сверху. Рука у него была профессионально поставлена. Видно, сказывалась многолетняя тренировка. Сморщившись от боли, Владимир оглянулся на свидетелей беззакония. Если бомж не проявлял ни одной эмоции, то интеллигент в ужасе созерцал происходящее. Причем на чьей стороне его симпатия, понять было невозможно. Он просто безучастно фиксировал факты, будто попав в чужой мир по туристической путевке или сидя в кинотеатре с пакетом поп-корна. Володя разозлился:

– Все. Считаю, что ты уволен по статье. Я следователь Генеральной прокуратуры.

В этот момент раздался радостный гогот. Появились майор и капитан. Капитан был в расстегнутом кителе, высокий, молодой. Майор, чуть пониже, с просвечивающейся сквозь редкие волосы лысиной. Они были пьяны.

– Сидорчук! Этого придурка Корякина можешь выпускать. Три часа прошло.

– Эй ты, очкарик! – ткнув дубинкой, произнес сержант. – Иди сюда!

Милиционер отворил дверь и вывел интеллигента. Заставил расписаться в журнале. Затем, протягивая ему документ, произнес:

– Ну что, больше не будешь так нажираться?

– Да мы вчетвером, в обед, бутылку под хорошую закуску...

– Ладно, иди. Проверь деньги, документы, вещи. Претензий быть не должно, – по-доброму сказал Сидорчук. – Видишь? Не качал бы прав, давно бы отпустили. Головка не бо-бо?

– Все в порядке. Я не имею ничего. Извините. Прощайте, – засуетился гражданин Корякин.

Радостный человек убежал. Капитан с майором закурили. Откуда-то вошли еще два патрульных, о чем-то заговорили. Володя попытался вновь привлечь к своей особе внимание:

– Вы не желаете разобраться со мной?

– У тебя есть желание? – спросил майор капитана.

– Нет, – ответил тот, скользнув животным взглядом по решетке.

– И у меня не возникает, – констатировал майор.

– Мои документы в сумке, – попробовал пробиться Владимир, – ознакомьтесь, пожалуйста. И вообще, за что?

– Сидорчук, разберись. Что у тебя за бардак! – вдруг заорал капитан.

– Позвоните в Генпрокуратуру помощнику генерального прокурора генералу Турецкому.

– А китайский адмирал не подойдет? – съязвил майор.

– Зачем, сразу президенту американскому, – заржал капитан, удаляясь.

Поремский понял, что здесь какая-то клоака, и стал обдумывать план побега. Вошла старушка. Она начала спрашивать:

– Скажите, кому можно подать жалобу на участкового?

– А что такое? – заинтересовался сержант.

– Сначала заставил пускать в комнату постояльцев. Потом поселил там женщину. А теперь, говорит, ежели не пропишешь, житья не дам, – пожаловалась бедная старушка.

– Ну пиши все, что сказала, прямо при мне, – протягивая желтоватый лист бумаги и ручку, разрешил Сидорчук.

Бабуля исписала лист и тихонько поковыляла к выходу. Сержант тут же разорвал его на кусочки и бросил в урну.

– Ты что же, гад, делаешь? – спросил Поремский. – Морда уголовная!

Сержант подошел к решетке. Махнул рукой. Но Владимир оказался в недосягаемости. Тогда милиционер отпер дверь и вошел в камеру. Замахнувшись для удара, открылся. Поремский провел короткий резкий удар в корпус. Страж порядка рухнул под ноги. Владимир огляделся в поисках тряпки для кляпа. Кое-какими лохмотьями мог поделиться бомж. Однако Поремский, несмотря на сильнейшие побои и оскорбления, был не настолько ожесточен, чтобы затыкать рот живому человеку всяческой дрянью. Пришлось воспользоваться собственным галстуком сержанта. Затем он бросился к телефону. Хорошо, номер дежурного по прокуратуре остался в памяти. Набрал один раз, другой, третий. Наконец ответил бодрый голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.